С.-Петербургъ, 26-го іюня 1906 года.

Очень любопытная „полемика", если такъ можно выразиться, происходитъ на страницахъ „Смол. Вѣстн." между полицеймейстеромъ Ломаковскимъ, мѣстнымъ театраломъ Плескачевскимъ и антрепренеромъ Басмановымъ. Сущность въ немногихъ словахъ такова: г. Ломаковскій сказалъ, что только „черезъ трупъ" его добудутъ разрѣшеніе на постановку „Евреевъ" и „Дѣтей Солнца". (См. „маленьк. хрон."). Между тѣмъ г. Басмановъ постановку этихъ пьесъ исходатайствовалъ. Но лицепріятія тутъ не было: полицеймейстеръ рѣшительно подтверждаетъ, что „для гражданъ спокойствіе несравненно дороже лишенія лицезрѣть на сценѣ два эти произведенія", и что разрѣшеніе далъ губернаторъ, онъ же упорствуетъ въ своемъ взглядѣ, и если не превратился въ трупъ, то только по волѣ начальства.

Д. И. Басмановъ вполнѣ резонно замѣчаетъ, что каждая пьеса проходитъ горнило драконовскаго учрежденія, называемаго „главное управленіе по дѣламъ печати". Засѣдаютъ въ немъ и разрѣшаютъ и запрещаютъ сотни пьесъ не пылкіе юноши изъ крайнихъ партій и даже не умѣренные кадеты, а убѣленные сѣдинами статскіе и дѣйствительные статскіе совѣтники, и вдругъ разрѣшеніе, данное этимъ учрежденіемъ, игнорируется мѣстной властью и пьеса, прошедшая благополучно черезъ это горнило, признается опасной для „спокойствія страны", да еще въ городѣ, гдѣ жизнь гражданъ протекаетъ пока, слава Богу, безъ аттрибутовъ чрезвычайной охраны или военнаго положенія! Спрашивается, къ чему же тогда существуетъ отдѣлъ драматической цензуры, поглощающій, вѣроятно, не мало средствъ на свое содержаніе? Не проще ли было бы выпускать безпрепятственно всѣ пьесы, предоставляя цензуровать ихъ на мѣстѣ полиціи?

Къ этимъ словамъ можно лишь прибавить, что полученіе цензурнаго ярлыка— отнюдь не такое пустое дѣло, какъ кажется. Если не черезъ собственный „трупъ", то черезъ многія непріятности приходится перешагнуть (см., напримѣръ, ниже письмо г. Бурдъ-Восходова къ А. П. Бельгарду, съ описаніемъ злоключеній драматическаго автора). Для чего же всѣ эти хожденія по мукамъ? Ужъ лучше прямо поклониться въ ноги полицеймейстеру и положиться на его усмотрѣніе. А попадется такой полицеймейстеръ, который „тишину и спокойствіе" предпочитаетъ всему, такъ, пожалуй, не только театръ, а и свѣтъ солнца задуетъ. Ну что-жъ, такъ и будемъ знать.

Но гдѣ же ваша „полнота власти", г. министръ внутреннихъ дѣлъ, которой вы похвалялись въ Думѣ? Можете-ли вы играть на человѣческой душѣ, когда не научились еще играть на флейтѣ? Можете-ли предупреждать вашей властью злодѣянія погромныхъ полицеймейстеровъ и иныхъ сихъ-дѣлъ мастеровъ, когда ваше цензурное разрѣшеніе не можетъ сломить упорство Ломаковскаго?

Полноте, г. министръ! Вашей „полноты власти" не хватаетъ даже для театральныхъ пьесъ!

По поводу возбужденнаго нами вопроса о введеніи отдыха для обремененныхъ трудомъ хористовъ мы получили слѣдующее письмо:

„Прочитавъ въ № 24 отъ 11-го іюня замѣтку о томъ, что русскій хоръ Новой Оперы находится подъ гнетомъ строгаго режима всей администраціи и особенно хормейстра Каваллини, просимъ уважаемый журналъ помѣстить, что весь женскій (?) русскій хоръ слишкомъ уважаетъ и преданъ своему справедливому маэстро Коваллини и не чувствуетъ никакого гнета, служа по нимъ съ нѣсколько лѣтъ".

Нѣсколько страннымъ можетъ показаться это письмо въ защиту „справедливаго" маэстро Каваллини отъ имени одного только женскаго хора. Не отрицая справедливости нашихъ замѣчаній о непосильномъ трудѣ хористовъ и о необходимости однодневнаго отдыха хотя бы на протяженіи 2-хъ недѣльнаго срока, женскій хоръ пишетъ письмо съ единственной цѣлью „реабилитировать" г. маэстро. А мужской хоръ? Онъ другого взгляда на этотъ счетъ? Или г. маэстро, какъ элегантный кавалеръ, справедливъ лишь по отношенію къ женскому хору? Согласимся, что женскій хоръ, состоя подъ его непосредственнымъ начальствомъ, чувствуетъ себя хорошо. Но въ письмѣ мы не находимъ опроверженія самаго главнаго обвиненія противъ хормейстера— того, что онъ является главнымъ противникомъ проектируемой системы еженедѣльнаго отпуска нѣсколькихъ лицъ изъ хора, съ соблюденіемъ очереди.

Вообще, это письмо, повидимому, имѣетъ „свою исторію" и, въ виду радикальнаго различія во взглядахъ мужского и женскаго хора, надо думать, не все въ дѣйствительности столь просто, какъ оно выходитъ на бумагѣ.

Открытое письмо г. Начальнику Главнаго Управленія по дѣламъ печати *).

Ваше Превосходительство, Милостивый Государь А. П.!

Цѣлыхъ 9 лѣтъ я хранилъ вынужденное молчаніе, покуда „рѣзвость" краснаго цензорскаго карандаша касалась только моихъ скромныхъ пьесъ, памятуя однако, что есть предѣлы, въ которыхъ нужно считаться съ человѣческимъ терпѣніемъ. Для иллюстраціи тисковъ и пытокъ, которымъ подвергается такая огромная область, какъ драматическая литература, въ лицѣ ея первоклассныхъ и второстепенныхъ (одинаково) представителей, я покорнѣйше прошу ваше превосходительство спросить гг. драматическихъ цензоровъ:

1) На какомъ основаніи одна пьеса разсматривается въ теченіе одного дня, а другія лежатъ по 10 мѣсяцевъ и дольше?

2) Почему переводы мои и оригинальныя пьесы, поступавшія въ цензуру раньше другихъ, выпускались позже на нѣсколько мѣсяцевъ, когда цѣна имъ на театральной биржѣ равнялась нулю? Не смѣю думать, что потому, будто переводы того же названія, но болѣе изящныхъ, чѣмъ я авторовъ (я

*) Настоящее „обращеніе" къ А. П. Бельгарду мы получили при письмѣ слѣдующаго содержанія: „м. г. г. редакторъ! Настоящее мое письмо должно быть безусловно помѣщено на страницахъ Вашего уважаемаго журнала, обязаннаго принимать близко къ сердцу страданія русскихъ драматическихъ авторовъ. Всѣ приводимые здѣсь факты могутъ быть мною документально установлены. Прибавлю еще, что приведенное здѣсь только слабый отблескъ дѣйствительности, къ которой не мало вопіющаго и въ то же время комическаго могли бы прибавить всѣ драматическіе писатели. *Ал. Бурдъ-Восходовъ*". *Прим. ред*

только мужчина—къ несчастью!..) выпускались значительно раньше моихъ („Педагоги", „Михаэль Крамеръ" и др.)?

3) На какомъ основаніи драматическій цензоръ позволяетъ себѣ со словами „охота вамъ возиться" совѣтовать... выкрестить доктора Кона Макса Нордау въ моемъ переводѣ и тѣмъ „спасти" пьесу?

4) Почему слово „прокуроръ" зачеркивается и замѣняется господиномъ же цензоромъ словами... „директоръ банка"?

5) Почему вычеркивается „Прометей" и легенда о немъ, легенда знакомая даже ученику 3 класса?

6) Почему римскій папа вычеркивается и замѣняется „просто" словомъ... старикъ,—а вѣдь стариковъ, какъ извѣстно, очень много: есть и благонравные, и немощные, и безумные и просто распутные,—чего однако ни въ какомъ случаѣ нельзя сказать о почтеннсмъ старикѣ, папѣ римскомъ,—не правда ли?

7) Почему гг. драматическіе цензоры обезцѣнили цѣлый рядъ моихъ переводовъ, вырывая по цѣлому дѣйствію, мѣняя и общественное положеніе и имя героя и даже создавая новыхъ дѣйствующихъ лицъ?

8) Почему, напримѣръ, докторъ „Конъ" плохъ, а докторъ „Германъ" цензуренъ? И только послѣ 8—9 лѣтняго veto слово „Конъ", какъ и вся эта пьеса получила только на-дняхъ права гражданства?

9) Почему моя новая пьеса „Всякое бывало" больше года лежитъ безъ движенія и надежды въ цензурѣ, когда въ пьесѣ этой нѣтъ ничего ровно предосудительнаго — даже, пожалуй, съ точки зрѣнія такого „просвѣщеннаго" консерватора, какъ К. П. Побѣдоносцевъ...

10) Почему заглавіе пьесы „Чѣмъ жить?" не цензурно, и приходилось нѣсколько мѣсяцевъ упрашивать и доказывать, что вопросъ чѣмъ жить не угрожаетъ государственнымъ устоямъ. Чѣмъ жить?.. Любовью и состраданіемъ къ людямъ, — что тутъ опаснаго для чуткаго цензорскаго карандаша и слуха?

11) Почему привезенная и доставленная въ цензуру другая моя новая пьеса „Я—король", гдѣ король, въ роли ли пастуха,и ли странствующаго актера—красной нитью по всей пьесѣ - выведенъ мной королемъ съ головы до ногъ и ни единымъ словомъ не дискредитированъ высокій санъ короля. Г. же цензоръ придалъ пьесѣ какое то схоластическое толкованіе и освѣщеніе—и пьеса опять взята „подъ охрану". При извѣстномъ усердіи даже и такимъ пьесамъ, какъ „Король Лиръ", „Гамлетъ", „Вильгемъ Телль", можно предпослать такое освѣщеніе, что и онѣ никогда не увидѣли бы свѣта рампы!

12) И наконецъ, почему въ сущности всегда и корректный цензоръ М. А. Толстой порой пренебрегаетъ элементарными правилами приличія, позволяя себѣ указывать авторамъ какое-то „надлежащее" мѣсто, даже кричать на нихъ, забывая, что краснымъ карандашемъ пока можно гулять только по пьесамъ, но не по человѣческому достоинству автора?

Кстати о „надлежащемъ" мѣстѣ для драматическихъ авторовъ. Хорошо, если этотъ несчастный авторъ лично знакомъ съ цензоромъ. Но такимъ счастьемъ не каждый авторъ можетъ похвастать, и въ такомъ случаѣ ему приходится долго дожидаться въ корридорѣ или, за отсутствіемъ спеціальной для авторовъ пріемной, стоять въ первой заваленной бумагами и занятой гг. чиновниками комнатѣ. Казалось бы, что драматическая цензура, какъ спеціальное учрежденіе, создана именно для авторовъ, но не авторы для... гг. драматическихъ цензоровъ!

Въ заключеніе честь имѣю почтительнѣйше просить ваше превосходительство потребовать отъ гг. драматическихъ цензоровъ *фактическаго, логикой и здравымъ смысломъ обоснованнаго освѣщенія и доклада* по всѣмъ этимъ вопросамъ и особенно по моимъ двумъ послѣднимъ новымъ пьесамъ „Всякое бывало" и „Я—Король" и положить на нихъ благосклонную резолюцію Вашего Превосходительства, снявъ съ нихъ не заслуженное ими veto!

Дѣйствительный Членъ Союза Русск. Драматическихъ Писателей, Инженеръ-Технологъ **Ал. Павл. Бурдъ-Восходовъ.**

Петербургъ,
20 іюня.

Неотложное дѣло.

Идеи, выраженныя въ письмѣ И. Д. (Неотложное дѣло) блестящи, но онѣ трудно выполнимы. Для устройства агентства въ главныхъ городахъ необходимъ капиталъ, который могъ, конечно, окупиться, еслибъ всѣ сдѣлки заключались исключительно черезъ Бюро Театральнаго Общества. Но для этого необходимо передѣлать весь строй театральнаго дѣла. Въ настоящее время существуютъ предприниматели, которымъ Бюро отказываетъ въ своемъ посредничествѣ по многимъ причинамъ—вслѣдствіе полной неизвѣстности ихъ матеріальнаго и соціальнаго положенія, невзноса залоговъ, постоянныхъ краховъ и т. п.

Представьте, что въ нѣкоторыхъ главныхъ городахъ будутъ именно подобные предприниматели, для какой же цѣли будутъ тогда существовать въ этихъ городахъ Агентства? Жизнь идетъ впередъ, нужны новыя формы веденія театральнаго дѣла, нужны люди, которые вывели бы театръ изъ теперешняго оцѣпенѣнія, поставили его на должную высоту и сдѣлали дѣйствительно школой народной. Эта святая миссія лежитъ на обязанности Театральнаго Общества. Бюро въ главныхъ городахъ должны быть, но въ этихъ Бюро должны формировать труппы лица, понимающія и любящія театръ, а не разные проходимцы, ничего общаго съ театромъ неимѣющіе, эксплуатирующіе только публику и актеровъ. *К. Л.*

Хроника Театра и Искусства.

Слухи и вѣсти.

— Сообщеніе о заключеніи въ тюрьму Коралли-Торцова ген. Неплюевымъ не точно. Ген. Неплюевъ заключилъ въ тюрьму на 2 мѣсяца актера изъ труппы Коралли Торцова, г. Строганова. На-дняхъ изъ Севастополя прибыла артистка В—на, подтвердившая это обстоятельство. Г. Строгановъ читалъ стихотвореніе, заканчивавшееся куплетомъ съ „извѣстной поговоркой".

— Пьеса М. Горькаго „Варвары" разрѣшена цензурою къ представленію.

— Напоминаемъ нашимъ читателямъ, что 30 августа 1756 г. состоялся Высочайшій указъ сенату объ учрежденіи „Россійскаго театра для представленія трагедій и комедій". Такимъ образомъ, въ текущемъ году 30 августа исполняется 150 лѣтъ съ оффиціальнаго учрежденія театра въ Россіи.

— Отправляющееся въ поѣздку товарищество драматическихъ артистовъ, подъ управленіемъ артистовъ „Драматическаго" театра, гг. Александровскаго и Уралова, начинаетъ спектакли съ Новгорода (24 и 25 іюня). Послѣдующіе города: Порховъ, Псковъ, Островъ, Рѣжица, Двинскъ, Вытебскъ, Могилевъ, Смоленскъ, Орша. Поѣздка разсчитана на 2 мѣсяца. Въ составъ труппы входятъ: гг. Александровскій, Ураловъ, Амальинъ, Шарапъ, г-жи Слатина, Слонимская, Шиловская и др. Администраторъ г. Блокъ.

Репертуаръ: „На пути въ Сіонъ", „Евреи", „Крикъ жизни" и „Авдотьина жизнь".

— Л. Н. Толстой закончилъ новую пьесу, которую не намѣренъ обнародовать.

— Въ Лондонѣ на-дняхъ съ успѣхомъ прошла впервые опера „Онѣгинъ" на сценѣ Ковентгарденскаго театра. Въ оперѣ участвовали гг. Алчевскій (Ленскій) и Баттистини (Онѣгинъ).

— Подписка на сооруженіе памятника А. Н. Островскаго въ Москвѣ, разрѣшенная еще въ 1867 г., за 19 лѣтъ дала всего 23,379 руб. 61 коп.

— Композиторъ Ц. Кюи произведенъ изъ генер.-лейт. въ инженеръ-генералы.

— Въ театрѣ Олимпія (на Бассейной) съ 1 сентября по 1-ое октября будутъ ставиться опереточные спектакли. Режиссеромъ приглашенъ г. Заряновъ.

На этихъ дняхъ рѣшится участь Василеостровскаго театра. Дирекціей ведутся переговоры по передачѣ всего дѣла въ другія руки.

На-дняхъ открывается въ Петербургѣ еще одинъ лѣтній драматическій театръ въ бывшей „Ливадіи", что въ Новой Деревнѣ. Здѣсь будетъ играть труппа подъ управленіемъ С. М. Ратова. Антреприза г. Гриневскаго.

— Гастроли въ „Буффѣ" Арлеттъ Доржеръ заканчиваются 1 іюля. Слѣдующая гастролерша г-жа Кавецкая.

Полицейская цензура. Намъ передаютъ, что въ день перваго представленія обозрѣнія „На поплавкѣ" градоначальствомъ былъ затребованъ для просмотра суфлерскій экземпляръ.

Запрещенныя драмат. цензурой двѣ новыя пьесы А. П. Бурдъ-Восходова „Я король" и „Всякое бывало" представлены на вторичный пересмотръ начальнику Глав. Упр. по дѣламъ печати и мин. внутр. дѣлъ.

* * *

Московскія вѣсти:

— Въ Орѣховѣ Зуевѣ снятъ театръ суфлерами Импер. Малаго театра Зайцевымъ и Монаховымъ, которые организовали труппу на разовыхъ изъ второстепенныхъ артистовъ Малаго театра. Репертуаръ народный.

Борьба начинаетъ „сдавать". Намъ сообщаютъ, что г. Щукинъ за 1½ мѣсяца потерялъ на борьбѣ 16,000 руб.

* * *

† **Н. Б. Міодушевскій**. На-дняхъ на станціи Абдулино Самаро-Златоустовской ж. д. скончался старый актеръ Ник. Брунович Міодушевскій. Покойный Міодушевскій находился одно время въ Убѣжищѣ, но затѣмъ (года 4 назадъ) оставилъ его и выступалъ послѣ этого на сценѣ. Міодушевскій похороненъ на средства Т. О.

* * *

20 іюня на Митрофаніевскомъ кладбищѣ состоялись похороны А. С. Панчина. Къ приходу пассажирскаго поѣзда, съ которымъ слѣдовалъ прахъ почившаго, на вокзалъ Царскосельской жел. дороги для встрѣчи собрался небольшой кружокъ товарищей-артистовъ и почитателей покойнаго. Была масса вѣнковъ, изъ которыхъ особенно видѣлялись вѣнки съ надписями на лентахъ: „отъ артистовъ драматической труппы Александринскаго Императорскаго театра", отъ членовъ музыкально-драматическаго кружка", „отъ дѣтей", „отъ жены" и мн. др. На похоронахъ присутствовали П. П. Гнѣдичъ, В. П. Далматовъ, Дарскій, Черновъ, Локтевъ, г-жа Стрѣльская, капельмейстеръ г. Гуго Варлихъ, Волковъ-Семеновъ и мн. др.

* * *

Бюро Общества Музыкальныхъ Педагоговъ и друг. муз. дѣятелей (Троицкая улица, 24) въ теченіи лѣтняго времени открыто два раза въ недѣлю по вторникамъ и пятницамъ отъ 5 до 6 часовъ пополудни.

Въ настоящее время въ Бюро имѣется, между прочимъ, запросъ на преподавателя пѣнія въ одномъ изъ видныхъ отдѣленій Императорскаго Русскаго Музыкальнаго Общества, преподавательницы игры на фортепіано и преподавателя скрипичной игры въ музык. школахъ.

* * *

Намъ пишутъ изъ **Москвы**. Кончилась атлетическая борьба, свирѣпствовавшая въ лѣтнихъ театрахъ „Аквріумѣ" и „Эрмитажѣ", и фарсъ снова вступилъ въ свои права. Положеніе театра, вообще лѣтомъ довольно плачевное, очень удачно иллюстрируется остроумной каррикатурой, помѣщенной въ одномъ изъ послѣднихъ №№ нашего журнала: фарсъ въ видѣ повергнутой на землю пичкомъ, растрепанной дѣвицы, которую грубо попираютъ ногами два дюжихъ молодца въ атлетическихъ костюмахъ, въ угрожающихъ позахъ другъ противъ друга. Именно такъ дѣло и обстояло, дошло даже до того, что давно анонсированный и готовый фарсъ „Герцогиня Креветкъ" не могъ быть поставленъ потому что при 4-хъ длинныхъ дѣйствіяхъ фарса не хватило бы вечера на спектакль,— а борьбѣ отводилось почетное мѣсто и много времени, да и вниманіе публики было конечно болѣе устремлено на чемпіоновъ, чѣмъ на артистовъ. Такъ фарсъ скромно отступалъ передъ могучимъ напоромъ своихъ дюжихъ соперниковъ.

Теперь, по окончаніи борьбы, сейчасъ же началась серія бенефисовъ и новыхъ постановокъ. Первымъ очень скромно отпраздновалъ свой бенефисъ г. Пальмъ. Отдавая должную дань комическому таланту артиста несмотря на обычно свойственную его игрѣ небрежность, не могу не отмѣтить, что въ его бенефисы попадаютъ почему-то обозрѣнія какого-то непріятнаго тона съ замѣтнымъ черносотеннымъ привкусомъ,—грубыя насмѣшки надъ освободительнымъ движеніемъ и его идеями, вышучиваніе „евресвъ",— вотъ главные элементы, съ помощью которыхъ выкраиваются эти такъ называемыя „обозрѣнія". Нисколько не лучше, если не хуже, поставленное вновь Пальмомъ „Московское Обозрѣніе",—безсодержательная, тягучая чепуха въ 3-хъ дѣйствіяхъ съ безплодными потугами на грубое остроуміе краснорядскаго тона. Еврейскіе куплеты послѣ недавней бѣлостокской бойни показались даже фарсовой публикѣ безтактными и вызвали шиканье. Когда-то на страницахъ „Т. и Иск." я говорилъ, что въ настоящее время развѣнчиванія и осмѣянія сгнившихъ и всѣмъ ненавистныхъ идоловъ властной опеки открылось широкое поле для политической сатиры, которая должна дать новое содержаніе застоявшемуся въ болотахъ пошлости фарсу. Но очевидно, наши старые фарсодѣлатели не способны вырваться изъ прежнихъ рамокъ и готовы излить свою ядовитую слюну только на все новое, смѣлое, что даетъ теперь жизнь, поблѣднѣло стараясь въ то же время не задѣть какъ-нибудь и старыхъ божковъ. Воздадимъ должное ихъ гражданскому мужеству, тупой слѣпотѣ и безсильной ярости и пройдемъ мимо.

Шедшая въ тотъ же вечеръ картинка (?) Мельницкой „Милліонное хищеніе въ банкѣ", по своему сенсаціонному названію, позволяетъ ожидать многаго, но отсутствіемъ содержанія вызываетъ въ публикѣ недоумѣвающее молчаніе. Можно было отдохнуть только во время третьей вещицы— легкой комедіи той же Мельницкой. „Что любитъ женщина?", доставившей зрителямъ большое наслажденіе. Этому способствовала поистинѣ великолѣпная игра г-жи Грановской. Авторъ чисто по-женски нарисовала намъ изящную фигурку капризной обаятельной женщины, находящей удовлетвореніе и красоту въ неудовлетворенной любви, такъ какъ счастливая любовь—труба, ведетъ къ подавленію одной личности другой и къ жестокому разочарованію; выслушавъ признаніе въ любви любимаго человѣка, отдавшись сладости перваго поцѣлуя, она рѣшается не видѣть его больше,—мечты лучше, чѣмъ реальная дѣйствительность, одно сознанье быть любимымъ лучше, чѣмъ сама любовь. Мнѣ уже не разъ приходилось повторять, что Грановская—не фарсовая, а прекрасная комедійная артистка, и ея талантъ заставилъ заблестѣть эту незатѣйливую комедійку всѣми цвѣтами радуги. Артистка была въ ударѣ и со свойственными ей изяществомъ, тактомъ и отдѣланностью деталей, чего не бываетъ въ фарсовой игрѣ, великолѣпно использовала свою выигрышную роль, создавъ обаятельный женскій образъ. „Герцогиня Креветкъ" того же автора, что и „Дама отъ Максима",—Фейдо,—типичный французскій фарсъ, нелѣпо-фантастичный, очень веселый, запутанный, и черезчуръ растянутый. Есть ядовито-остроумныя словечки, фразы насчетъ министровъ, властей, которыя публика спѣшитъ подчеркнуть апплодисментами, но все это ничтожно тонетъ въ массѣ веселыхъ нелѣпостей. Поставленъ фарсъ великолѣпно въ новыхъ роскошныхъ декораціяхъ—особенно удачна красивая декорація „Ресторана Максима". Главную роль Креветкъ грубо шаржированно играла Легаръ-Лейнгардтъ, спеціализировавшаяся на „каскадныхъ" роляхъ; эта вульгарная крикливая артистка, далеко уступающая своей соперницѣ на тѣ же роли, Воронцовой-Ленни, портила все впечатлѣніе общаго довольно гладкаго ансамбля. Какъ всегда, изящна и весела Васильчикова, артистка съ огонькомъ. Сдержанные и пріятные въ фарсѣ артисты—Соколовъ и Горскій. Добродушно-комиченъ Шиллингъ. Въ ресторанѣ Максима—живетъ на сценѣ жирующая, легкомысленная толпа, которая гудитъ, постъ и беззаботно танцуетъ, какъ и подобаетъ веселымъ французамъ.

Изъ другихъ постановокъ слѣдуетъ отмѣтить знакомый уже Москвѣ веселый фарсъ: „Мадамъ Корали и К°"; здѣсь очень удачна — мѣняющаяся въ нѣсколько секундъ сложная декорація 3-го акта. Великолѣпными исполнителями являются чета супруговъ Корали,—Мартынова, старуха, богатаго сочнаго тона, и Сабуровъ. Ансамбль поддерживаютъ Васильчиковъ, Баранова, Соколовъ, Шиллингъ и Горскій; послѣднему нужно отдѣлаться отъ ломанной походки. Изъ молодыхъ артистокъ нужно выдѣлить Панову,—у ней есть характерность, что не всегда встрѣчается и у большихъ артистовъ; если она будетъ развивать эту сторону своего дарованія и работать, она можетъ выдвинуться.

Фарсъ побѣждаетъ въ Москвѣ по всей линіи,—въ „Аркадіи" серьезная драма не вынесла противоестественаго объединенія на одной и той же сценѣ съ кафе-шантаномъ и прекратила существованіе, замѣнившись фарсомъ, который, конечно, все выдержитъ. Въ „Ренессансѣ", на далекомъ Щипкѣ, окраинѣ Москвы, также культивируется фарсъ; въ новомъ саду „Медвѣдь"; въ пригородныхъ театрахъ, всюду фарсъ въ чистомъ видѣ или смѣшанный съ опереткой процвѣтаетъ и пожинаетъ обильную жатву, пасуя только предъ борьбой чемпіоновъ.

Farceur.

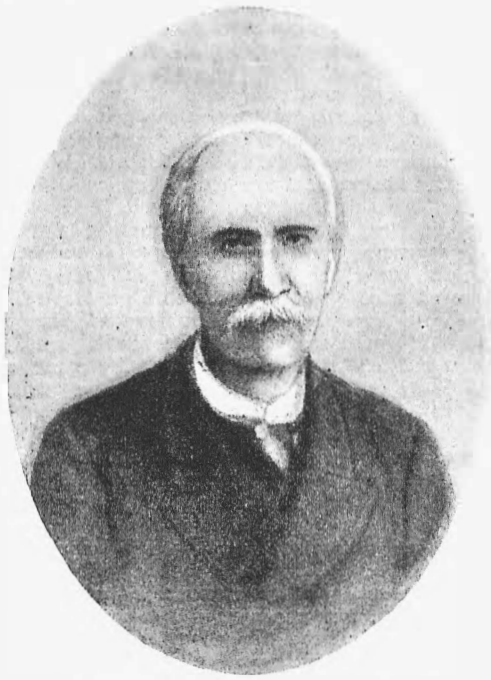
* * *

Театръ „Буффъ“. Въ доброе старое время, когда на Руси было все „спокойно“ и персона городового почиталась священной, „уголъ зрѣнія“ у гг. сочинителей обозрѣній, естественно, былъ очень узокъ. Всѣ обозрѣнія походили одно на другое, писались по извѣстному шаблону. Теперь времена другія. Нужны и новыя пѣсни. Правда, и теперь еще „свобода печати“ понимается въ томъ смыслѣ, что ежедневно свободно конфискуются газеты, а „неприкосновенность личности“ означаетъ свободу дѣйствій погромщиковъ, тѣмъ не менѣе для обозрѣвателя кругозоръ значительно расширился и въ его распоряженіи имѣется новый, живой, богатѣйшій и совершенно неиспользованный матеріалъ.

Поставленная въ бенефисъ г. Кошевскаго одноактное обозрѣніе „На поплавкѣ“, за исключеніемъ двухъ-трехъ номеровъ, составлено на старые мотивы. Баритонъ Сюртуковъ (г. Коржевскій—загримировавшійся Тартаковымъ), клубная дама, борцы, дама-психопатка и т. п.—все это пора сдать въ архивъ. Есть, впрочемъ, номера и на „политическія темы“. Господинъ, торгующій овсомъ, банкиръ Мендельсонъ, „хулиганъ“. „Политики“ здѣсь, конечно, немного.

Въ общемъ, обозрѣніе, мѣстами не лишенное остроумія, жидкое, на-спѣхъ, очевидно, сочиненное и потому малоинтересное. Наибольшій успѣхъ имѣлъ г. Грѣховъ-алкоголикъ, продекламировавшій куплеты „было весело, очень весело!“: богатѣйшая мимика, разнообразіе и красочность интонацій, лекость исполненія, музыкальность—вотъ крупнѣйшія достоинства этого несомнѣнно талантливаго артиста.

Очень хорошо „протанцовалъ“ г. Кошевскій свой номеръ—банкиръ Мендельсонъ. Куплеты мало остроумные. По обыкно-



† Мануэль Гарсіа (см. за границ.).

венію, бы а хороша г-жа Варламова—дама-психопатка, влюбленная въ Циклопа и рюмующая „Циклопъ“ и „Лобъ“. Жертва клубной игры—совершенно голая—г-жа Капланъ была очень пикантна.

Декораціи изображаютъ пристань на Невѣ.

Передъ „обозрѣніемъ“ были поставлены два акта „Боккаччіо“. Г. Кошевскій хорошій Ламбертуччіо, а г-жа Варламова прекрасная Перонелла. Недурны г-жи Смолина (Боккаччіо), Марченко-Тонни (Изабелла), Радомскій (принцъ), Коржевскій (Ліонетто), Нировъ (бочаръ). Слабая Фіаметта г-жа Бауэръ. Сборъ былъ полный. *О. К.*

* * *

Крестовскій садъ. Изъ новаго „привоза“ этуалей наибольшимъ успѣхомъ пользуется знакомая по прошлому году М-ll Ліанъ д'Эвъ. Ея пѣсенки, съ болѣе чѣмъ рискованными тѣлодвиженіями въ танцахъ, благодаря изяществу исполненія, приводитъ въ восторгъ любителей этого жанра. Не меньшимъ успѣхомъ пользуется миловидная дочь Новаго свѣта М-ll Вегнеръ. Полна жизни и граціи эксцентричная танцовщица интернаціональная пѣвица М-ll Мари де-Леско, очаровывающая зрителя своими мелодичными пѣсенками, молодостью и красотой. Музыкально-акробатическіе трюки на роялѣ М-ll Мами-Канонъ, исполняющей даже локтями всевозможные музыкальные мотивы, также имѣютъ своихъ поклонниковъ. Красавица испанка Леонора, эксцентрики Гукъ и Паули по прежнему пользуются заслуженнымъ успѣхомъ. Хороши акробаты тріо „Сатинелла“ съ ихъ „голоноломными“, въ буквальномъ смыслѣ, танцами. Странно слышать довольно хорошую декламацію М-ll Карра, что впрочемъ является какъ-бы особымъ номеромъ среди всевозможныхъ трюковъ и эксцентриковъ. Нельзя не отмѣтить очень миленькую миніатюрную М-ll Жоржетъ съ ея граціозными танцами. Всѣхъ же перечислить нѣтъ возможности, ужъ очень ихъ много. Въ непродолжительномъ времени состоится бенефисъ командующаго всей этой интернаціональной арміей, режиссера театра А. Вядро. *Ч.*

* * *

Театръ Фарсъ. Въ субботу, 17 іюня, здѣсь былъ поставленъ новый фарсъ „Подарокъ гейши“. Новинка эта оказалась довольно скучной, и ее не спасли двѣ три удачно написанныя сцены второго акта... Самое названіе фарса приклеено къ нему какъ-то сбоку и совершенно не имѣетъ связи съ основной интригой пьесы. Въ роли стараго любителя антиквара Монтирэ былъ очень комиченъ г. Разсудовъ. Если бы въ свое исполненіе артистъ вносилъ нѣсколько больше разнообразія и типичности, его игру можно было бы признать несомнѣнно художественной. Имѣла успѣхъ г-жа Зарайская. Г. Петина провелъ роль не вполнѣ счастливаго любовника Гризоля въ тонѣ простака, отчего исполненіе его только выиграло. Остальнымъ пришлось подыгрывать. *К. В.*

* * *

Дачные театры.

17 іюня въ с. Мартышкинѣ (возлѣ Ораніенбаума) открылся новый лѣтній театръ, снятый на нѣсколько сезоновъ Р. М. Раппапортомъ. Устройство самаго театра, сцены, новыя декораціи, костюмы и стильная обстановка сдѣлали бы честь любой антрепризѣ. Во всемъ видна рука опытнаго и преданнаго театральному дѣлу человѣка. У мѣстныхъ дачниковъ, переполнившихъ театръ, спектакль, состоявшій изъ мольеровскаго „Тартюфа“ и водевиля „Откликнулось сердечко“, имѣлъ большой и вполнѣ заслуженный успѣхъ. Очень хорошей Дориной была г-жа Зарина. Бойко, съ увлеченіемъ, а главное типично передала она нелегкую роль мольеровской субретки. Изящны были г-жа Нелидова (Эльмира) и г-жа Дюроше (Маріанна). Въ заглавной роли выступилъ Семеновъ-Самарскій. Оргонъ г. Пантелѣевъ и Луайсель г. Словаковъ (псевдонимъ очень популярнаго въ Петербургѣ чтеца-доктора) положительно не оставляли желать ничего лучшаго. Изъ остальныхъ надо отмѣтить г-жу Юрову (Пернель). Въ водевилѣ смѣшили публику г-жа Ускова и г. Словаковъ. Общее впечатлѣніе отъ перваго спектакля самое благопріятное. Трудная комедія въ стихахъ была разучена внимательно и любовно. Прекрасно поставлена режиссерская часть. Все это выгодно отличаетъ предпріятіе г. Раппапорта отъ другихъ небольшихъ лѣтнихъ антрепризъ, нерѣдко попадающихъ въ руки людей совершенно безпечныхъ насчетъ искусства.

Ораніенбаумскій садъ. 15-го іюня состоялся здѣсь первый, „съ позволенія сказать“, симфоническій вечеръ. Оркестровая программа его состояла изъ Шотландской симфоніи (A moll) Мендельсона, его же увертюры къ „Сну въ лѣтнюю ночь“ и сюиты изъ „Генриха VIII“ Сенъ—Санса. Исполненіе было поистинѣ „удивительное“. Кажется, на этотъ разъ г. Очиневъ, превзошелъ самого себя „и всѣ надежды, на него возлагавшіяся“. Боже мой, что онъ сдѣлалъ изъ этой чудесной Мендельсоновской симфоніи—этого, чуть ли не лучшаго созданія геніальнаго композитора! Во что превратилось волшебное „scherzo“, что вышло изъ дивнаго „adajio“! „Я думаю, замѣтилъ о томъ господинъ своему сосѣду, Мендельсонъ долженъ перевернуться сегодня въ гробу“.—„Едва ли, отвѣчалъ онъ, вѣдь Мендельсонъ, очевидно, даже и не узналъ своей симфоніи“. Все остальное было исполнено такъ же, если не хуже.

Солистами (какъ же безъ нихъ?!) выступили „извѣстная пѣвица“ (такъ, по крайней мѣрѣ, гласила афиша) Андреева-Шкилондзь, спѣвшая довольно сносно арію изъ „Чародѣйки“ Чайковскаго, и віолончелистъ г. Кассань, сыгравшій заигранныя въ віолончельномъ репертуарѣ „Серенаду“ Поппера и „Scherzo“ Гоенца.

Ораніенбаумъ—чуть не единственное мѣсто по балт. ж. д., гдѣ есть постоянный струнный оркестръ и такимъ образомъ это дачное мѣсто является до нѣкоторой степени „музыкальнымъ центромъ“ по всей б. ж. д. Рядомъ съ Ораніенбаумомъ—Кронштадтъ... Все это, казалось бы, давало поводъ дирекціи сада поставить музыкальное дѣло на надлежащую высоту, а между тѣмъ изъ года въ годъ она продолжаетъ кормить публику г-дами Очиневыми, которымъ въ сущности такъ мало дѣло до искусства. *А. Кажаровичъ.*

Ст. Всеволожская. (Ириновской ж. д.). Въ нынѣшнемъ сезонѣ мѣстнымъ театромъ руководитъ энергичный и опытный режиссеръ К. К. Яковлевъ-Донской. Открытіе состоялось 14-го мая („Жрецы закона“ Бріе); затѣмъ были поставлены: „Мужья одолѣли“, „Не послѣдняя“, „Бой бабочекъ“, „Ради счастья“, „Страшное дѣло“, „Живые покойники“, „Бѣло-

пшенка". Спектакли очень охотно посѣщаются публикой, цѣнящей добросовѣстное отношеніе труппы къ своему дѣлу. Къ сожалѣнію, хорошее впечатлѣніе первыхъ спектаклей было нѣсколько нарушено постановкой (18-го іюня) изумительно пошлой пьесы г. ф.-Дингельштедта „Бюрократы", которая, къ тому же, оказалась плохо срепетованной. Въ тотъ же вечеръ съ громаднымъ успѣхомъ прошелъ очень эффектный драм. этюдъ г. Яковлева-Донского „За нее", въ которомъ самъ авторъ съ большимъ благородствомъ и теплотой, исполнилъ главную роль. Кромѣ г. Яковлева изъ членовъ труппы можно отмѣтить гг. Критскаго и Барскаго; изъ женскаго персонала выдѣляется г-жа Торанъ, ученица Ю. Э. Озаровскаго; молодой артисткѣ недостаетъ еще, однако, необходимой опытности. Частыя гастроли С. М. Ратова и А. А. Ольминой увеличиваютъ интересъ спектаклей. По четвергамъ въ этомъ же театрѣ играетъ труппа любителей; о ней нельзя сказать ничего утѣшительнаго: это типичные „любители"; поставленная ими 15-го іюня ком. „На порогѣ великихъ событій" была спасена только оживленной игрой артистки г-жи Вѣриной-Раевской и гг. Лугового и Горскаго; исполненіе же прочихъ было поистинѣ ужасно. *В. Сильверсвань.*

* * *

За границей.

— Скончался въ Лондонѣ извѣстный учитель пѣнія Мануэль Гарсіа на 101 г. жизни. Сынъ извѣстнаго пѣвца, композитора и учителя пѣнія, онъ блестяще началъ свою карьеру въ роли пѣвца. Но скоро онъ оставилъ сцену и началъ давать уроки пѣнія. Въ теченіе полустолѣтія онъ считался лучшимъ профессоромъ bel canto. Выдающимися ученицами его были Дженни Линдъ и Христина Нильсонъ. Его труды по ларингологіи (изслѣдованіе горловыхъ болѣзней) пользуются большой извѣстностью въ ученомъ мірѣ, въ особенности изобрѣтеніе ларингоскопа.

— Въ Берлинъ пріѣдетъ въ скоромъ времени Сенъ-Сансъ и будетъ дирижировать въ нѣсколькихъ концертахъ.

— Послѣ семимѣсячнаго отсутствія Сара Бернаръ возвратилась въ Парижъ изъ Америки, гдѣ гастроли ея сопровождались неизмѣннымъ успѣхомъ. Она участвовала въ 227 спектакляхъ, 80 ночей она провела въ вагонѣ.

— На-дняхъ въ Варвикѣ, въ Англіи, состоится спектакль, въ которомъ примутъ участіе около 2000 дѣйствующихъ лицъ, мужчинъ и женщинъ. Разсчитываютъ, что зрителей соберется не менѣе 20000. Спектакль будетъ данъ на открытомъ воздухѣ. Содержаніе пьесы—пантомима, изображающая всю исторію города Варвика отъ временъ римской оккупаціи до нашихъ дней.

Къ сезону въ провинціи.

Бердянскъ. Намъ телеграфируютъ: оперетточная труппа Гурскаго, послѣ первыхъ нѣсколькихъ спектаклей, прекратила существованіе. 44 человѣка, какъ намъ сообщаютъ, остались безъ дѣла и обратились въ Театральное Общество за вспомоществованіемъ.

Варшава. Съ управленіемъ правительственныхъ театровъ ведетъ любопытный процессъ парижская фирма Choudent, собственникъ оперы „Карменъ". До 1895 г. правит. театры пользовались нотнымъ матеріаломъ этой оперы отъ фирмы Choudent, которая предъявила искъ на 27 т. франковъ въ виду того, что „Карменъ" продолжаетъ даваться и понынѣ. Окружный судъ присудилъ фирмѣ только 20 т. фр., но управленіе театрами обжаловало приговоръ въ судебной палатѣ, отказавшей фирмѣ въ искѣ, т. к. съ 1895 г. варш. театры ставили „Карменъ" съ музык. матеріаломъ миланской фирмы Сонцоньо и т. к. въ настоящее время конвенціи не существуетъ. Свое дѣло фирма переноситъ въ другія инстанціи и собирается искать защиты дипломатическимъ путемъ, черезъ оффиціальныхъ представителей у насъ французской республики.

Вильна. Гастроли М. Дальскаго въ труппѣ г. Чернова закончились. Труппа г. Чернова пробудетъ здѣсь до конца іюня, а съ 1 іюля въ лѣтнемъ театрѣ Ботаническаго сада начнутся спектакли малорусской труппы О. З. Суслова съ участіемъ артистовъ Зарницкой и Манько.

Елисаветградъ. Гастроли г. Южина и, конечно, скандалы. Во-первыхъ, такъ сказать, „программный" скандалъ съ рецензентомъ мѣстной газеты „Новости Елисаветграда", во-вторыхъ—„внѣпрограммный" скандалъ—съ артистами и публикой. „Программный" скандалъ и былъ выполненъ г. Южинымъ по обычной программѣ: недовольный отзывомъ рецензента „Нов. Елисав.", г. Тальновскаго, кстати директора мѣстной музыкальной школы, г. Южинъ помѣстилъ въ другой газетѣ „Новая Волна" письмо въ редакцію, гдѣ разсказываетъ, будто г. Тальновскій требовалъ отнести ему мѣсто, угрожая въ случаѣ отказа заранѣе уже приготовленную для газеты рецензію передѣлать въ неблагопріятный для г. Южина отзывъ. Г. Тальновскій въ открытомъ письмѣ опровергаетъ инсинуаціи г. Южина и фактически доказываетъ всю ложь сочиненнаго г. Южинымъ разсказа.

„Внѣпрограммный" скандалъ разыгрался на послѣднемъ спектаклѣ. Назначенная въ этотъ вечеръ „Карменъ", предъ началомъ спектакля, была замѣнена „Тоской". Публика потребовала обратно деньги. Г. Южинъ, однако, отказался исполнить справедливое требованіе публики, и лишь при содѣйствіи полиціи послѣдняя получила обратно около 400 руб. Причина же замѣны одной оперы другой—нежеланіе антрепризы уплатить поспектакльные (10 руб.) двумъ второстепеннымъ артистамъ, участіе коихъ въ „Карменъ" необходимо, но безъ которыхъ можно обойтись въ „Тоскѣ".

Г. Южинъ идетъ правильно къ намѣченной цѣли—слава о скандалахъ г. Южина разносится во всѣ концы Россіи, и „гастрольные скандалы" или „скандальныя гастроли" г. Южина дѣлаютъ сборы.

Кронштадтъ. Намъ пишутъ: 21 мая здѣсь состоялось открытіе лѣтняго сезона въ городскомъ лѣтнемъ саду. Была поставлена подъ режиссерствомъ Курбскаго комедія „На бойкомъ мѣстѣ" въ слѣдующемъ составѣ: Инсаровъ (Миловидовъ), Волынскій (Безсудный), Дашева (Евгенія), Свѣжинская (Аннушка), Поляковъ (Пыжиковъ), Курбскій (Жукъ). Вторымъ спектаклемъ шла комедія Тиханова „Черезъ край".

Одесса. Дирижеръ гор. оркестра І. В. Прибикъ оправился отъ нездоровья и приступаетъ къ дирижированію въ Гор. театрѣ.

— На Большомъ Фонтанѣ на мѣстѣ прежняго театра, выстроенъ новый театръ. Театръ выстроенъ изъ камня и крытъ толемъ. Фасадъ поддерживается изящными колоннами Іоннійскаго стиля, высотою въ 6 саж.; направо и налѣво по фасаду идутъ портики, поддерживаемые такими-же колоннами. Театръ снятъ у г-жи Лигиной товариществомъ русскихъ драматическихъ артистовъ подъ управленіемъ Л. Ф. Ѳедорова. Въ составъ товарищества входятъ артисты: г-жи Батуева, Горичева, Грановская, Ермолова, Зорина, Литвинова, Линская, Шишкина и гг. Артуровъ, Вѣринъ, Данаровъ, Давыдовъ, Лонинъ, Лаврецкій, Ѳедоровъ, Щербатовъ и друг. Открытіе театра состоится 25 іюня.

Ростовъ-на-Дону. 1 іюля малорусская труппа г. Глазуненко оканчиваетъ сезонъ въ Новопоселенскомъ театрѣ, а со 2-го іюля въ немъ начнутся драматическіе спектакли общества подъ режиссерствомъ А. Г. Аярова. Спектакли будутъ идти 2—3 раза въ недѣлю. Открывается сезонъ „Василисою Мелентьевой".

Ростовъ-на-Дону. Страшное несчастье поразило дирижера оркестра въ коммерческомъ клубѣ Е. Е. Плотникова. Его жена артистка Импер. театровъ А. К. Плотникова утромъ, когда мужъ уѣхалъ изъ дому съ сыномъ на репетицію въ клубъ, послала прислугу за чѣмъ-то на базаръ, а сама осталась въ квартирѣ съ малолѣтней дочерью. Около двѣнадцати часовъ дня прислуга, возвратившись домой, была удивлена, найдя дѣвочку въ комнатахъ одну. Она стала разыскивать хозяйку и наконецъ нашла ее въ отхожемъ мѣстѣ. Несчастня женщина висѣла безъ всякихъ признаковъ жизни въ петлѣ, сдѣланной изъ полотенца, привязанною къ водопроводной трубѣ. Когда объ этомъ сообщили ея мужу, онъ по окончаніи репетиціи уже собирался ѣхать домой. Услышавъ ужасную вѣсть, онъ упалъ съ извозчичьей пролетки и съ нимъ сдѣлался настолько сильный нервный припадокъ, что потребовалась помощь врача.

Уфа. Намъ пишутъ: на іюль, августъ—артистами труппы П. П. Струйскаго организована поѣздка въ слѣдующемъ составѣ: г-жи Акулова, Инсарова, Микулина, Мальцева, Озерова, Шатова, гг. Алексѣевъ, Волковъ, Горскій, Кванинъ, Микулинъ, Розановъ, Спаніолли, Лаврецкій.

Главный режиссеръ Е. Н. Озеровъ, администраторъ И. В. Волковъ-Вольфъ. Маршрутъ: 1-й гор. Стерлитамакъ, затѣмъ по рѣкѣ Бѣлой: Бирскъ, Благовѣщенскъ, Елабуга, Чистополь, Сарапулъ и др. гор. по Волгѣ, Камѣ.

Репертуаръ: „Евреи", „Дѣти солнца", „Тюрьма", „Погромъ", „Юная буря" и др. Товарищество организовано на равныхъ паяхъ, кромѣ г. Микулина, которому товарищество предложило 2 пая.

Харьковъ. Малый театръ снятъ на будущій зимній сезонъ гг. Шеинымъ и Борисовымъ подъ русскую оперу. Форма веденія дѣла еще не опредѣлилась,—будетъ ли товарищество или антреприза. Труппа гг. Шеина и Борисова будетъ играть до пріѣзда сюда изъ Саратова опернаго товарищества подъ управленіемъ г. Тассина, которому вмѣстѣ съ его саратовскими компаніонами, изъ числа тамошнихъ меценатовъ, передана вторая половина сезона г-жей Дюковой и г. Соколовскимъ. Что будетъ съ Рождества въ Маломъ театрѣ—еще неизвѣстно.

Письма въ редакцію.

М. г.! На-дняхъ въ Кеммернъ привезли извѣстнаго артиста концертанта Мишеля Эп-Тьера, которому недавно обѣ ноги отрѣзало. Прибылъ сюда лѣчиться. Очень нуждается. Находится съ семействомъ безъ средствъ къ жизни. Проситъ гг. артистовъ и товарищей помочь ему. Адресовать въ редакціи виленскихъ газетъ. Съ совершен. почтеніемъ. *Ю. Каменецкій.*

М. г. Позвольте мнѣ черезъ посредство вашего уважаемаго журнала обратиться къ товарищамъ и знакомымъ бывшаго опернаго режиссера и суфлера Тимофея Онисимовича Деменюкова, съ покорнѣйшей просьбой. Не знаетъ ли кто-либо изъ нихъ, гдѣ находится въ настоящее время названный г. Деменюковъ. Прошелъ слухъ, что онъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ скончался въ Петербургѣ въ больницѣ, но въ какой больницѣ, гдѣ похороненъ и въ какомъ году скончался—неизвѣстно.

Убѣдительно прошу товарищей его и знакомыхъ сообщить, кому извѣстно что-либо о Деменюковѣ или черезъ посредство вашего журнала, или непосредственно мнѣ. Почтовые и всякіе расходы будутъ возвращены съ глубокой благодарностью. Г. Астрахань, Никанору Егоровичу Максимову, площ. церкви Михаила-Архангела, собств. домъ. Пр. и пр.

Н. Максимовъ.

М. г. При посредствѣ вашего уважаемаго журнала считаемъ своимъ долгомъ довести до свѣдѣнія товарищей слѣдующій фактъ. Мы, нижеподписавшіеся, были приглашены въ Сестрорѣцкій театръ въ труппу Винклеръ-Волжанскаго. Послѣ второго спектакля мы обратились къ господину Волжанскому съ просьбой дать намъ общепринятую третью часть мѣсячнаго оклада. Г. Волжанскій, при свидѣтеляхъ, далъ намъ честное слово удовлетворить нашу просьбу не позже четверга 25 мая. Въ этотъ день должны были идти „Блуждающіе огни“, въ которыхъ мы участвовали. Мы прибыли въ театръ къ 8-ми часамъ, а ушли въ 10 ч. вечера, т. к. спектакль не состоялся за отсутствіемъ сбора.

Винклеръ-Волжанскій слова не сдержалъ и, несмотря на повтореніе нашей просьбы, мы до сихъ поръ не получили ни копѣйки, между тѣмъ какъ мужской персоналъ получилъ солидные авансы и въ настоящее время всѣ разъѣхались; мы же, отказавшись отъ другихъ предложеній, потратили только и время, и деньги. Играть приходилось при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ, созданныхъ администраціей. Между прочимъ, костюмовъ для „Ніобеи“ не было, аксесуаровъ тоже, и только въ 8½ ч. по распоряженію артистки, были предоставлены ей двѣ грязныя простыни, въ которыя она должна была драпироваться. Висковатова (героиня), Аррасова-Багинская (инженю), Чайковская (старуха др. и ком.).

Маленькая хроника.

*** Изъ недавняго прошлаго. Въ 1888 году въ нынче уже упраздненномъ V департаментѣ сената, между прочимъ, разсматривалось дѣло о томъ, какъ одна женщина, будучи вѣдьмой, вылетѣла на метлѣ въ трубу, что было засвидѣтельствовано тридцатью свидѣтелями, видѣвшими это событіе собственными глазами. По разсмотрѣніи этого дѣла, оренбургская соединенная палата гражданскаго и уголовнаго судопроизводства примѣнила къ обвиняемой статью закона о колдовствѣ. Сенатъ же, пересмотрѣвъ это дѣло, рѣшилъ, что въ данномъ случаѣ должно быть примѣнено наказаніе не за колдовство, а за недозволенное администраціей театральное представленіе. Такъ...

*** Въ Смол. Вѣстн. находимъ слѣд. письмо въ редакцію:

„Мѣсяца два—три тому назадъ я отъ лица драматическаго кружка усиленно хлопоталъ у г. полицеймейстера Н. Н. Ломаковскаго о разрѣшеніи поставить благотворительнымъ спектаклемъ (въ пользу Заднѣпровской библіотеки) „Дѣти Солнца“ М. Горькаго. На первый мой запросъ г. полицеймейстеръ категорически заявилъ—передаю буквально его фразу:

— Только черезъ трупъ мой въ Смоленскѣ вывѣсятъ афишу о „Дѣтяхъ Солнца“.

Спустя нѣкоторое время, полагая, что г. полицеймейстеръ погорячился въ своемъ первомъ отвѣтѣ, я еще разъ возобновилъ ходатайство, присовокупивъ при этомъ, что если г. полицеймейстеръ такъ упорно отказываетъ въ постановкѣ „Дѣтей Солнца“ благотворительнымъ спектаклемъ, то мнѣ ясно, что онъ бережетъ пьесу для Д. И. Басманова. На это послѣдовалъ отвѣтъ:

— Пока страна не успокоится—„Дѣтей Солнца“—Горькаго и „Евреевъ“—Чирикова въ Смоленскѣ не поставятъ...

Вчера, пріѣхавъ въ Смоленскъ и увидавъ около Благороднаго собранія вывѣшенный анонсъ о постановкѣ „Дѣтей Солнца“ Д. И. Басмановымъ, я набожно перекрестился, подозвалъ городового и спросилъ:

— Отчего умеръ полицеймейстеръ?—основывая свой вопросъ на честномъ словѣ г. полицеймейстра, что только черезъ его трупъ вывѣсятъ афишу о постановкѣ „Дѣтей Солнца“?

Городовой отвѣчалъ мнѣ: „Они изволятъ здравствовать“...

Значитъ, подумалъ я тогда, г. полицеймейстеръ находитъ, что *страна успокоилась* и поэтому только живъ остался и „Дѣтей Солнца“ разрѣшилъ. Интересно бы знать, въ чемъ видитъ г. полицеймейстеръ успокоеніе страны? Ужъ не въ „покореніи“ ли Шелбицскихъ и Лазаревскихъ крестьянъ и въ побѣдѣ городовыхъ надъ пѣвцами Марсельезы 21 мая?

Нѣк. Вас. Плескачевскій.

*** Изъ анекдотовъ дѣйствительности. На одной изъ клубныхъ сценъ для гастроли провинціальнаго трагика шло „Горе отъ ума“. На послѣднюю репетицію является одинъ изъ актеровъ „разовиковъ“, окончательно смѣнившій служеніе Мельпоменѣ на служеніе Бахусу. При безурядицѣ клубныхъ спектаклей лишній исполнитель былъ встрѣченъ съ восторгомъ и актеръ, получивъ авансомъ половину разовыхъ, скрылся до вечера.

На спектакль онъ, какъ и слѣдовало ожидать, явился „съ мухой“.

— Вотъ одѣньтесь на первый актъ. Выйдете какъ-нибудь доложить о Чацкомъ, указалъ ему помощникъ режиссера.

Исполнитель одѣлся и къ началу акта сталъ съ меланхолическимъ видомъ, облокотясь на кулису.

— Выходите и докладывайте: „къ вамъ Александръ Андреичъ Чацкій“, подтолкнулъ его передъ выходомъ помощникъ режиссера, раза три повторивъ эту единственную фразу его роли.

Разовикъ неувѣренной поступью дошелъ до середины двери и громко возгласилъ: „Александръ Андреичъ!“

„Къ вамъ Чацкій“, съ ужасомъ началъ шептать суфлеръ, чувствуя, что публика замѣтитъ искаженіе стиха.

Исполнитель мрачно посмотрѣлъ въ будку и вдругъ возгласилъ на весь залъ: „Камчатскій“. Трагикъ добрыхъ пять минутъ метался за сценой со сжатыми кулаками...

*** Въ Бобруйскѣ „разыгрался“ инцидентъ, имѣющій, такъ сказать ближайшее отношеніе къ еврейскимъ погромамъ. Въ труппѣ г-жи Орловой актеръ М. М. Михайловичъ, на роли комиковъ, получилъ въ „Свадьбѣ Кречинскаго“ роли Щебнева и Бека. Получивъ вторую роль Михайловичъ заявилъ, что „благодаря мѣстнымъ условіямъ и смутному положенію въ городѣ“ онъ не находитъ возможнымъ играть роль Бека безъ купюръ, и считаетъ необходимымъ изъять слова, затрагивающія самолюбіе „евреевъ“. Режиссеръ Н. С. Карскій на купюры не согласился и за „отказъ отъ роли“ вывѣсилъ г. Михайловичу штрафъ. Артистъ обратился въ Т. О. съ просьбою разсмотрѣть этотъ инцидентъ...

Вопросъ въ общемъ довольно сложный. Любопытно, какъ его разрѣшатъ...

*** На-дняхъ за кулисами одного изъ театровъ артистъ В. получилъ хорошій урокъ отъ рабочихъ и статистовъ. В. грубо обругалъ за кулисами артистку и, говорятъ, даже толкнулъ ее Режиссеръ потребовалъ отъ г. В. объясненія... Но послѣдній, войдя въ азартъ, изругалъ и режиссера. И вотъ тутъ выступили статисты-рабочіе, до сихъ поръ молча наблюдавшіе за происходящимъ.

— Вонъ! кричали они—вамъ мѣсто въ кабакѣ, а не въ театрѣ... Такъ обращаться съ женщинами могутъ только хулиганы.

Гг. рабочіе дали гг. служителямъ искусства урокъ, какъ надо обращаться съ женщинами...

ИЗЪ ЦИКЛА ИБСЕНОВСКИХЪ ПЬЕСЪ.

Штокманъ.

(Гримъ нѣмецкаго актера г. Моленара).

Исторія моей статьи.

(Письмо въ редакцію).

Помѣщенная въ № 23 „Т. и И." моя замѣтка о драматической цензурѣ при Наполеонѣ III имѣетъ свою маленькую, не лишенную нѣкоторой пикантности, исторію. Первоначально статья эта была набрана года три тому назадъ, но цензоръ, которому было поручено блюсти за цѣломудренностью журнала, предложилъ ее *не печатать*. Курьезно, не правда ли? Что могъ найти русскій цензоръ противоцензурнаго въ моей статьѣ? Почему онъ бралъ подъ свою защиту французскую драматическую цензуру 60-хъ годовъ прошлаго столѣтія? Хотя я и привыкъ къ строгости и непоколебимости цензоровъ, а въ особенности драматическихъ (такъ, одинъ изъ нихъ вычеркнулъ въ восклицаніи героя переведенной мною пьесы: „Боже мой! Боже мой!" — второе „Боже мой!", заявивъ совершенно серьезно, что не слѣдуетъ употреблять всуе имени Господа, а въ особенности на театральныхъ подмосткахъ), но поступокъ цензора меня крайне озадачилъ. Я конечно поинтересовался узнать причину запрещенія статьи и въ отвѣтъ услыхалъ, что этой статьей можетъ быть по аналогіи обижена наша драматическая цензура. Довольно откровенно, неправда ли? Затѣмъ мнѣ было заявлено, чтобы я обратился къ завѣдующему драматической цензурой И. М. Литвинову, отъ котораго и будетъ зависѣть окончательное разрѣшеніе вопроса. Я такъ и сдѣлалъ. Г. Литвиновъ счелъ возможнымъ допустить къ печатанію злосчастную статью, судьба которой рѣшалась чуть ли не впродолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, но все же вымаралъ нѣсколько мѣстъ и между прочимъ заключительныя мои слова о томъ, что Марсельеза, бывшая подъ запрещеніемъ при Наполеонѣ III, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ стала гимномъ французскаго народа. По мнѣнію г. завѣдующаго не совсѣмъ удобно было напирать на то, что послѣ имперіи воцарилась республика. Не предполагалъ ли г. Литвиновъ, что и эта фраза могла вызвать въ умѣ читателя какую нибудь аналогію?

О. Латернеръ.

Музыкальныя замѣтки.

Въ теченіи минувшихъ двухъ недѣль въ Сестрорѣцкомъ курзалѣ были исполнены на симфоническихъ концертахъ произведенія, заслуживающія большого вниманія. Къ тому-же исполненіе г. Сукомъ столь сложныхъ и отвѣтственныхъ программъ, отличалось детальностью отдѣлки и художественной зрѣлостью. Впрочемъ, прослѣжу и произведенія, и ихъ исполненіе по порядку. Начну съ 5-й, B dur'ной симфоніи Глазунова. Отличительными чертами нашего выдающагося симфониста являются прекрасныя, ясныя формы, благородство письма, замѣчательный, истинно-симфоническій разливъ, рѣдкое знаніе оркестровыхъ красокъ и изумительное творчество разработки. Глазуновъ принадлежитъ къ числу безупречныхъ музыкантовъ, для которыхъ область чисто звуковыхъ комбинацій на первомъ планѣ. Этимъ я не хочу указать, на его принадлежность къ числу „моцартистовъ", которымъ въ большинствѣ случаевъ, чистая звуковая игра импонируетъ превыше всего. Я хотѣлъ только сказать, что элементъ эмоціональный, поэтическая содержательность въ его произведеніяхъ не всегда стоять на должной высотѣ, что духовный обликъ его музыки не всегда носитъ печать глубины. Но зато въ смыслѣ музыкальной „пластики", упругости, почти скульптурности письма, Глазуновъ бываетъ почти геніаленъ.

Какъ симфонистъ, Глазуновъ—это чувствуется,—мыслитъ оркестромъ. Его звучность, особенно послѣднихъ opus'овъ освободившись отъ нѣкоторой грузности въ инструментовкѣ, поражаетъ сочностью—и вѣрно и тонко подобранными оркестровыми красками. Если-бы поэтическій обликъ Глазунова былъ ярче, сложнѣе—это былъ бы міровой геній. Несмотря на большое количество opus'овъ, на зрѣлость и законченность этого композитора, я думаю, можно еще ждать отъ него эволюціи, усложненія, новыхъ словъ. Мнѣ кажется, что эта богато одаренная натура еще не причалила окончательно къ пристани своего духовнаго процесса; я думаю, что даже и настоящій моментъ есть лишь для Глазунова этапный пунктъ въ его слѣдованіи къ чему то очень крупному, почти великому. Это одинъ изъ тѣхъ художниковъ, отъ которыхъ всегда можно ждать новыхъ откровеній. Говорятъ имъ написана новая, 8-я симфонія; можетъ быть тамъ кроются задатки новыхъ путей въ его творчествѣ?

Въ Bdur'ной симфоніи лучшими частями я считаю первую andante; послѣднее полно прекраснаго и искренняго вдохновенія. Scherzo, прелестное по звучности и не лишенное извѣстной граціи все-же не отличается оригинальностью и поэтическимъ изяществомъ. Финалъ нѣсколько растянутъ и мѣстами слишкомъ густо инструментованъ, особенно въ группѣ мѣдныхъ. Исполненіе симфоніи г. Сукомъ надо признать довольно удачнымъ. Лучше другихъ прошли первая часть, мѣстами andante и финалъ. Въ Scherzo—желательно было больше ритмической остроты, а въ andante, особенно въ cis moll'ной части его, хотѣлось больше подвижности и экспрессіи. О исполнявшихся въ тотъ-же вечеръ „Les préludes" Листа говорить не приходится: это произведеніе давно всѣмъ знакомо. Зато о сюитѣ изъ сказки „Елка" Ребикова—должно поговорить. Ребиковъ принадлежитъ къ числу „ищущихъ" композиторовъ. Онъ искренно ищетъ—и столь же искренно думаетъ, что онъ находитъ. Въ послѣднемъ и заключается трагизмъ положенія.

Ребиковъ безусловно даровитый *человѣкъ*, онъ носится съ красивыми поэтическими замыслами, ему грезится ихъ воплощеніе въ стройныхъ рядахъ созвучій, онъ хочетъ музыкальныхъ образовъ и въ то же время ищетъ рисунковъ для изображенія „лѣстницы ангеловъ"; онъ стремится дать настроеніе „глухой ночи", его влечетъ къ импрессіонизму. Однимъ словомъ, онъ ищетъ то, что уже нѣкоторыми композиторами давно найдено, а подчасъ дѣйствительно давая нѣсколько талантливыхъ фразъ, Ребиковъ дѣлаетъ видъ, что „откровеніе снизошло". Просто какъ поэтическая натура, Ребиковъ на много выше нежели какъ музыкантъ. Поэтому и получаются интересные замыслы и посредственная музыка. „Новые" пріемы его довольно примитивны, но онъ умѣетъ окружать ихъ пышностью декоративности и „дѣлаетъ видъ", что говоритъ новое слово.

Въ „Глухой ночи", напримѣръ, все впечатлѣніе построено на довольно безсвязныхъ фразахъ у деревянныхъ духовыхъ на низахъ. И, дѣйствительно, этотъ пріемъ даетъ впечатлѣніе безнадежности глухой ночи, но и музыка — же эта довольно „безнадежна"... Лучше другихъ частей сюиты „лѣстница ангеловъ". Здѣсь есть музыка съ интересно выдержаннымъ настроеніемъ.

„Оригинальный" пріемъ въ видѣ нисходящей гаммы изъ цѣлыхъ тоновъ у арфы, на которой построена тема этого номера, не „помѣшалъ" Ребикову написать настоящую хорошую музыку, хотя и безъ вліянія Рих. Вагнера. Въ общемъ Ребиковъ способный композиторъ, но, кажется, безъ большого будущаго.

Перечисленными номера исчерпывается оркестровая часть программы. Солисткой явилась пѣвица г-жа Акцери. Я полагаю, что ея появленіе на эстрадѣ объясняется странной случайностью, а потому не стану на ней останавливаться. Удивляюсь только, что г. Сукъ допускаетъ подобныя „случайности"... Въ слѣдующемъ концертѣ капитальными номерами явились Bdur'ная симфонія Свендсена и Hmoll'ная, неоконченная симфонія Шуберта. Произведеніе Свендсена принадлежитъ къ такъ называемой „вполнѣ хорошей музыкѣ". Чисто и гладко сдѣланная, она звучитъ недурно, а мѣстами, какъ напримѣръ, въ началѣ andante и совсѣмъ хорошо. Опытная рука хорошаго мастера видна на этой симфоніи, но ни большого вдохновенія, ни яркой индивидуальности въ ней не замѣтно.

Его-же „Зорагайда" и „Карнавалъ" на много выше стоятъ Bdur'ной симфоніи. Почему г. Сукъ остановилъ на ней свой выборъ? Исполнилъ онъ ее хорошо, въ наиболѣе выгодномъ для автора свѣтѣ. Зато какимъ откровеніемъ прозвучала на ряду съ Свендсеномъ симфонія Шуберта!.. Говорить-ли о ея огромныхъ достоинствахъ? ихъ знаютъ всѣ музыканты. Сколько свѣжести, искренности, таланта и мастерства въ ней! Надо отдать справедливость г. Суку: провелъ онъ эту симфонію великолѣпно; по исполненію онъ можетъ ее считать одной изъ лучшихъ въ своемъ репертуарѣ.

Въ тотъ-же вечеръ исполнена была Вагнеровская „Зигфридъ-Идиллія". При отсутствіи въ ней Вагнеровской сложности оркестра, эта „Идиллія" все-же отличается трудностью исполненія; нѣжная поэтическая ткань, искусно подобранныя краски,—чисто субъективный лиризмъ и возвышенность настроенія самого Вагнера, выразившаго свое настроеніе у колыбели ребенка этой „Идиллією"—всѣмъ этимъ надо проникнуться, чтобы тонко исполнить это прзведеніе. г. Суку оно мало удалося. Правда, въ смыслѣ звучности онъ прекрасно выполнилъ свою задачу, но раскрыть поэтическій ароматъ, красоты этой „Идилліи"—ему не удалось. Чувствовалось, что дирижеръ не выносилъ внутри себя этой обаятельной, геніальной музыки.

Солистка концерта, г-жа Тиманова, піанистка извѣстная и солидная сыграла нѣсколько мелкихъ, мало содержательныхъ пьесокъ и имѣла успѣхъ.

Играетъ она съ внѣшней стороны очень мило, изящно и чисто, но большого впечатлѣнія не производитъ. Это типичная салонная піанистка старой школы. Кстати, надо сказать, что въ выборѣ солистовъ г. Сукъ проявляетъ мало вкуса и разборчивости. Пока закончу замѣтки. Въ слѣдующемъ номерѣ продолжу свои музыкальныя впечатлѣнія.

Александръ III-ръ.

ОПЕРНЫЯ АРТИСТКИ.

Е. А. Прокудина.

Музыкальный разговоръ за кружкой пива.

— «...Итакъ, чтобы лучше говорить о нѣмецкой брошюрѣ, мы спросимъ еще пива!» —воскликнулъ мой пріятель.

«Согласенъ», отвѣтилъ я—«только, если твоя отвѣтная рѣчь будетъ пѣниться также, какъ этотъ левенбрей. Меня заинтересовала новая книжка Оскара Бія (Bie)—извѣстнаго автора «Das Klavier u seine Meister» съ нѣсколько экцентричнымъ названіемъ» Intime Musik». Это одинъ изъ тѣхъ небольшихъ томиковъ, которые началъ выпускать въ Берлинѣ знаменитый Рихардъ Шраусъ, подъ общимъ заглавіемъ «Die Musik».

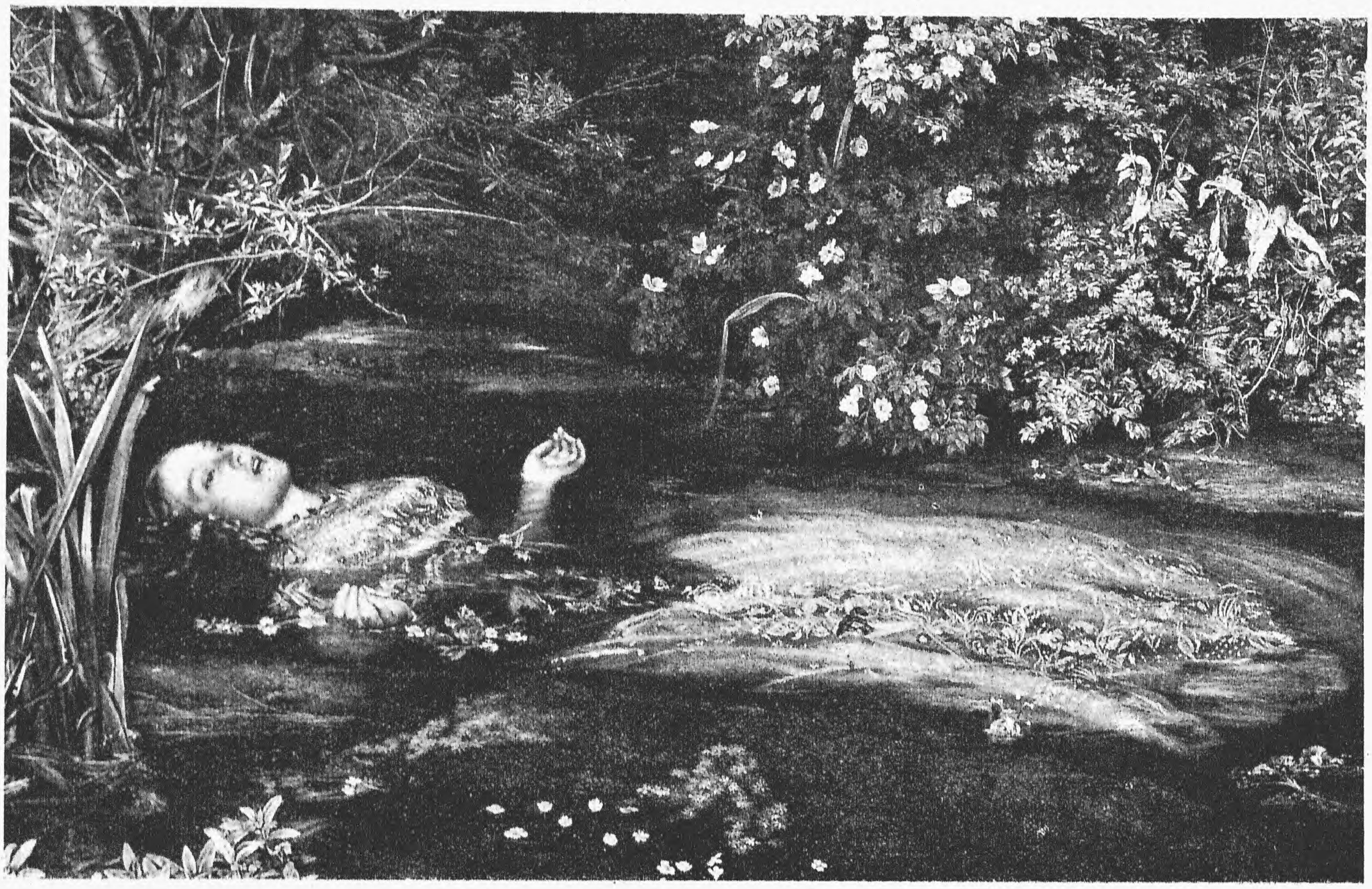
— Что же: названіе самое обыкновенное. Очевидно, авторъ говоритъ о камерной музыкѣ, которую мы уже давно считали интимною?

—«Нѣтъ, его претензіи шире! Онъ строитъ философію музыки, стараясь насъ увѣрить, что вся музыка развивается въ направленіи интимности: послѣдней только и принадлежитъ будущее! Ходъ его разсужденій таковъ. Музыка таинственное, скрытное искусство,—искусство маски. Не напоминаетъ-ли она намъ грандіозный міръ безсознательнаго, откуда вышла? По духу, она враждебна виртуозности, этой проституткѣ искусства: музыка—цѣломудренна, тогда какъ виртуозность шлетъ грязныя улыбки успѣху, рекламѣ... Но исторія всѣмъ искусствамъ придала общественный характеръ. Не представила исключенія и музыка. Историческій подборъ выбралъ народы, способные популяризировать музыку,—формы, сообщившія музыкѣ общественный интересъ. Происходитъ разцехновеніе (Entzunftung) этого искусства, носившаго у грековъ и нидерландцевъ (XIV—XVI в.) жреческій, кастовой характеръ, въ противоположность другимъ искусствамъ, популярнымъ ab ovo. Италія, чрезвычайно способная къ популяризаціи, совершила, въ эпоху Возрожденія, этотъ великій процессъ, закрѣпивъ за музыкою виртуозный характеръ, наиболѣе пріятный массѣ Итальянецъ—продуктъ долгой культуры движенія, взращенной на яркомъ свѣтѣ южнаго дня. Резонансомъ ему служитъ широкая общественность. Итальянская виртуозность завоевываетъ все болѣе широкіе круги. Въ соборѣ Св. Марка (Венеція) происходитъ первое раздѣленіе хора на 2, 3, 4 части, въ цѣляхъ драматической выразительности. Въ Венеціи пробуютъ сольные инструменты и изучаютъ ихъ своеобразіе. Развиваются музыкальные жанры (кантаты, концерты, ораторіи, оперы), отказывающіеся отъ полифоніи и переносомъ интереса на мелодію, дающіе развитіе виртуозности. Каччини (нѣніе), Скарлатти (фортепіано), Корелли (скрипка) являются ея первыми провозвѣстниками. Италіанскимъ виртуозамъ, на первыхъ-же порахъ улыбнулась европейская слава: въ Лондонѣ и Парижѣ имъ стали также апплодировать, какъ и въ Римѣ. Италія сдѣлала музыку общественнымъ дѣломъ. Цѣломудренная богиня обольщена гашишемъ италіанскихъ feste. Сначала передъ партеромъ двора и знати, передъ кардиналомъ Оттобони, живописцемъ Тинторетто, патриціями Венеціи, затѣмъ—передъ толпою раздаются первые виртуозные звуки. Въ римскомъ соборѣ Петра и Павла толпятся тысячи, чтобы слышать органъ Фрескобальди: это уже—первая побѣда концертнаго, виртуознаго духа, который ищетъ себѣ простора сначала въ нишахъ церквей и на оперныхъ сценахъ (до сихъ поръ, въ Италіи, концерты рѣдко даются въ залахъ). Зрители—главный нервъ италіанскихъ театровъ: они удерживаютъ, въ своей наслѣдственной собственности, ложи, тогда какъ актеры мѣняются, какъ въ калейдоскопѣ: это капризничаетъ партеръ, видящій въ нихъ лишь объектъ своихъ сценическихъ страстей!

И такъ, главный толчокъ музыкальной виртуозности былъ данъ въ Италіи. Но приблизилось время Баха, великихъ нѣмцевъ. Сѣверяне должны были по другому чувствовать музыку, чѣмъ романцы. Они были музыкальнѣе; ихъ музыка была глубже: не прибѣгая къ элегантнымъ формамъ, она вся была полна скрытой, интуитивной силы. Но выступивъ уже послѣ того, какъ красивыя романскія формы овладѣли европейскимъ вкусомъ, нѣмцы должны были ими воспользоваться, чтобы затѣмъ ихъ отбросить. Началась война, болѣе долгая, чѣмъ тридцатилѣтняя... Тихо въ одинокой комнатѣ Баха, наполовину для себя, наполовину для цѣлей религіозной службы, заноситъ геніальный органистъ, на бумагу, свои откровенія, по цѣломудренной простотѣ и мистическому величію, ставшія величайшими актами сѣверной музыки. *Баҳъ внутренно преодолѣлъ Италію.* Въ баховскомъ творчествѣ нѣтъ уже виртуозности или стремленій къ эффекту: музыкѣ вновь возвращена ея неземная примитивность. Назовемъ такую музыку: *интимною*!

— Я понимаю твоего автора, когда онъ говоритъ, что изъ старыхъ инструментовъ—разрисованныхъ спинетовъ, клавикордовъ—доходятъ до насъ тончайшія, особенныя, интимныя настроенія. Но я отказываюсь за нимъ слѣдовать, когда онъ излагаетъ исторію музыки, какъ борьбу Сѣвера и Юга за интимность, которую насаждаютъ германцы и которая должна покорить общественный Югъ. Не онъ-ли говоритъ, что Вагнеръ ввелъ интимность въ оперу, перенеся въ ней центръ тяжести изъ партера на сцену..?

— Но повѣрь, покамѣсть, моему автору на слово и послѣдуй за нимъ. Вотъ придворный праздникъ французскаго короля Франциска I (XVI столѣтія). Отъ него сохранились гравюра и музыка... Начинаютъ въ 10 вечера, кончаютъ въ 4 утра. Королева сама исполняетъ роль Амфитриды, появляясь на во-



Офелія („Гамлетъ“).
Картина Милеза (1829—1896).

дяной колесницѣ, окруженной тритонами. Другія роли распредѣлены между придворной знатью. Декораціонное искусство развернуло все свое мастерство: процессіи на водѣ, и на сушѣ; коллосальные балеты; ослѣпительный блескъ костюмовъ. Въ куполѣ дворцоваго зала виднѣются придворные музыканты (violonistes du Roi). Въ виду отсутствія отдѣльной сцены, декораціи расположены въ самомъ залѣ; между исполнителями и зрителями стерты всякія границы... Таковъ знаменитый «Ballet de la Reine».

Триста лѣтъ спустя, король мечтатель призываетъ къ себѣ музыканта, столь плѣнившаго его своими планами—и этотъ музыкантъ строитъ въ маленькомъ городкѣ театръ для себя и для своихъ единомышленниковъ. Здѣсь начинаютъ въ 4 дня и кончаютъ въ 10 вечера. Фанфары возвѣщаютъ публикѣ, отдыхающей, въ паркѣ начало актовъ. Занавѣсъ подымается безшумно—и въ залѣ наступаетъ тьма. Оркестръ, со своимъ дирижеромъ, не видимъ; пѣвцы, кажется, игнорируютъ публику: не ждутъ апплодисментовъ и не подходятъ къ рампѣ... У публики—благодарность въ сердцѣ. Не назвать-ли это «Massenintimität», «интимностью массъ?..

При этомъ словѣ, пріятель мой поперхнулся глоткомъ левенбрея и сказалъ мнѣ:

— Твоя рѣчь начинаетъ пѣниться какъ настоящее нѣмецкое пиво, т. е. скучно. Вѣдь, выдумалъ-же такое слово: «интимность массъ»! Не все-ли это равно, что «состраданіе жестокихъ» «умъ глупыхъ» и т. д.? Скажи твоему нѣмцу, чтобы онъ поучился здравому смыслу, тому bon sens, которымъ давно восхищаются французы! Когда мы освободимся отъ нѣмецкой метафизики? Когда будемъ смотрѣть на музыку болѣе простыми глазами? Если и правда, что музыкѣ мы охотно придаемъ таинственный, мистическій характеръ, тогда какъ литература кажется намъ чѣмъ-то болѣе реальнымъ, то не объяснить-ли это болѣе просто: степенью привычки къ общественному языку и отсутствіемъ таковой по отношенію къ языку музыкальному? Конечно, есть музыка интимная, но она не можетъ и не должна быть вся интимна. Я, наперекоръ твоему автору, скажу даже, что въ музыкѣ еще не конченъ процессъ обобществленія. Красавица, юная и прелестная, она еще не сбросила своего покрывала, чтобы обворожить строгихъ судей Ареопага. Въ современной музыкѣ, пожалуй, еще слишкомъ много интимности: зато, въ моменты великихъ общественныхъ движеній, она считалась на нѣтѣхъ—народъ удовлетворялся пѣснями и гимнами, представлявшими жалкую пародію настоящей музыки. Скажи, что дала Россія послѣднихъ двухъ лѣтъ, по части «освободительныхъ» гимновъ: а въ ней-ли не все горѣло, шумѣло, волновалось? Одинъ лишь порядочный, но далеко не великолѣпный, гимнъ Глазунова!

Тоже происходило и въ другихъ странахъ, когда онѣ корчились въ революціонныхъ судорогахъ! Я знаю имена великихъ мечтателей, которые звали насъ къ тѣснотѣ рояля, къ микроскопу Lieder'овъ. То—геніальные Шопенъ и Шуманъ. Но даже и имъ нельзя было остановить движенія, поднятаго Берліозомъ и прославленнаго Вагнеромъ. Я не знаю, какъ твой авторъ, вагнеровской интимности, но я знаю Вагнера-Вотана, мечущаго молніи и собирающаго ихъ для толпы. Не мечталъ-ли онъ о народѣ, стекающемся въ его Байрейтъ, подобно греческимъ племенамъ, устремлявшимся въ Аѳины на представленіе трагедій?

А Берліозъ приготовилъ все для искусства массъ:

грандіозный оркестръ, хоръ, грандіозныя формы... Развѣ это не знаменіе времени, что Малеръ и Скрябинъ пишутъ симфоніи съ хорами? «Все больше участвующихъ!» становится знаменіемъ времени. Какая тутъ интимность, когда даже интимная «пѣснь» полагается Малеромъ, д'Альберомъ, Вейнгартнеромъ, за послѣднее время, на оркестръ! Музыка должна биться въ унисонъ съ народною душою: интимная музыка—лишь незначительная часть искусства, которое—summa summarum—имѣетъ въ виду весь народъ!

— Теперь — моя очередь упрекать тебя: ужъ слишкомъ потянуло отъ тебя дегтемъ! Не позабылъ-ли ты большую часть современной музыки: симфонію?.. Напр., шестая симфонія Чайковскаго передаетъ *интимную* исторію великой души, прекрасной, но гибнущей...

— Чайковскій? Ты не даромъ назвалъ это, для всѣхъ насъ, дорогое имя! Лишь только Бетховенъ создалъ свои «девять музъ», какъ названы его симфоніи сумасшедшими нѣмцами,—онъ доказалъ, что возможенъ *эосъ* въ симфоніи. Здѣсь слышенъ могучій духъ, который пренебрегаетъ внѣшней красотою, но возвышаетъ душу до Божества! У Чайковскаго—не то (ему было мало дѣла до эооса): это—жрецъ красоты и страстей. И если я захочу назвать самыя прекрасныя отклоненія отъ великихъ бетховенскихъ цѣлей, я назову симфоніи Чайковскаго! Но Бетховенская симфонія вовсе не интимна, какъ не можетъ быть интимно нравственное благородство, ищущее своего объекта. Эта симфонія воспитываетъ общественный духъ, духъ солидарности. Ты знаешь разсказъ Вагнера о музыкантахъ — ягнятахъ, превратившихся, послѣ бетховенской симфоніи, во львовъ, выразившихъ справедливый протестъ своему антрепренеру? Пускай твой нѣмецъ говоритъ, что современный оркестръ развился въ Германіи, а не на Югѣ. Это справедливо, но также справедливо, что Югу, «Ривьерѣ музыки», принадлежитъ будущее. Самъ Вагнеръ есть компромисъ съ Югомъ: гигантская страстность, роскошный хроматизмъ! Его «Венерина гора» заслуживала-бы неаполитанскихъ голубыхъ рамокъ...

— И знаешь что? Настоящее выраженіе этой тенденціи къ Югу, о которой любитъ говорить Ницше,—я нахожу у нашихъ композиторовъ! Не даромъ у Чайковскаго открыли италіанскую страстность, не спроста—изступленность Рахманинова и эта чудесная переливчатость южныхъ красокъ у хроматическаго, геніальнаго Скрябина! Ты смѣешься, находя, что нашъ двадцати-градусный морозъ разбиваетъ всѣ мои доказательства, но, послушай, крайности всегда сходятся. Съ закрытыми гардинами, но съ электричествомъ, переливающимся, какъ южное солнце, въ жарко натопленномъ салонѣ, съ роялемъ, звучащимъ томно и страстно, не пробуждается-ли иллюзія Юга?

— Если даже согласиться съ тобою, то нельзя отрицать, что, какъ справедливо говоритъ Бій, музыка еще находится подъ господствомъ виртуозныхъ формъ Ренессанса, которыя подлежатъ отмѣнѣ? Не должны-ли мы опять услыхать о салонахъ, которые облагораживаютъ композитора, о произведеніяхъ, написанныхъ спеціально для извѣстнаго салона? Ты будешь привѣтствовать этотъ прогрессъ общественности, въ противоположность автору, который увидитъ здѣсь увеличеніе интимности. Пожалуй, правда, лучше, чтобы музыканты (какъ говоритъ Бій) передъ тѣмъ, какъ дать свой первый концертъ, выступали въ салонахъ, а не наоборотъ: не явится-ли такимъ образомъ артистъ настоящимъ продуктомъ общества?

— Съ своей стороны, и я тебѣ уступлю: твой авторъ вѣрно говоритъ о «воспитательномъ, художественно облагораживающемъ вліяніи нѣкоторыхъ жанровъ». Только сущность этихъ явленій, для меня, сводится не къ интимности, а къ большей свободѣ и разнообразію общественности...

Можно радоваться, что теперь все чаще посвящаютъ вечера одному композитору. Этимъ подчеркивается цѣльность концерта и его свобода отъ виртуозныхъ затѣй. Даже на тѣхъ художественныхъ вечеринкахъ, съ импровизированною программою, о которыхъ говоритъ Бій, я усматриваю, главнымъ образомъ, прогрессъ въ сближеніи массъ... Интереснымъ нововведеніемъ, разсказываетъ твой авторъ, были вечера, устраивавшіеся, одно время, берлинскою художественною фирмою Келлеръ и Рейнеръ. Верхняя зала берлинской «Филармоніи» была преобразована въ роскошный салонъ, гдѣ слушатели располагались совсѣмъ свободно (нумерованныхъ мѣстъ не было). Разнообразію мебели отвѣтило разнообразіе посѣтителей. Чередуются откладной стулъ, софа, кожаное кресло. Разноцвѣтныя электрическія лампочки передвигаются ad libitum. Стѣны украшены картинами, гармонизирующими съ исполняемыми произведеніями: на нихъ легче отдыхаетъ глазъ, чѣмъ на ужасныхъ каріатидахъ или разрисованныхъ занавѣсяхъ нашихъ концертныхъ залъ. Blaker, гобелены даютъ переходные тоны. Можно позавидовать публикѣ, расположившейся въ тѣнистыхъ уголкахъ, образуемыхъ растеніями, около статуй, дразнящихъ своею декоративною привлекательностью! Исполнитель не отдѣленъ отъ слушателей цѣлою пропастью: изъ ихъ рядовъ выходитъ онъ къ роялю, чтобы, по окончаніи исполненія, вернуться къ нимъ. Программа стилизована. Въ такой обстановкѣ появляется чета Штраусъ, чета д'Альберъ: онъ аккомпанируетъ, она поетъ... Пианистъ весь скрытъ за деревьями; свѣтъ *уменьшенъ*... На слушателей льются гармоніи, какъ будто онѣ исходятъ отъ картинъ и статуй!...—Я еще уступлю автору, назвавъ подобный вечеръ интимнымъ, но не пропорціонально-ли выиграли, благодаря ему, свобода и прелесть общественности? Въ другомъ, приведенномъ авторомъ, примѣрѣ Гейдельбергскаго музыкальнаго праздника съ невидимыми оркестромъ и хоромъ, можно усмотрѣть лишь желаніе сосредоточиться на музыкальномъ звукѣ, (выигрышъ въ силѣ впечатлѣнія!), но развѣ подобная обстановка лишила наслажденіе общественнаго характера? Или, быть можетъ, для слушателей были припасены твоимъ авторомъ одиночныя камеры, чтобы добиться той интимности, о которой онъ говоритъ? Область, которую я всецѣло уступаю его «интимности», это—гармоніумъ и его литература. Быть можетъ, гармоніуму «оркестрамъ» лейпцигской фабрики Маннборгъ, соединяющему, по рекламѣ Бія, достоинства нѣмецкихъ и американскихъ подобныхъ инструментовъ,—дѣйствительно суждено насадить интимную музыку въ нашихъ

А. С. Панчинъ
во время пребыванія въ Театральномъ училищѣ.

салонахъ, какъ это силится доказать авторъ. Скажу лишь: qu' il en soit! Но это—лишь капля въ морѣ: пора перестать думать объ «интимныхъ кабинетахъ музыки»: насъ ждетъ народъ, жаждущій художественной культуры. Блѣдный, истощенный, но въ революціонномъ экстазѣ и съ краснымъ знаменемъ

А. С. Панчинъ.
(† 16 іюня).

въ рукахъ, тянется онъ къ намъ, дабы мы научили его гимнамъ, которые облегчатъ ему «отреченіе отъ стараго міра»! И такъ, да погибнетъ интимность! За новую, соціальную музыку! Prosit, prosit!..

«Prosit!» повторилъ и я. **А. Коптяевъ.**

† А. С. Панчинъ I.

16 іюня послѣ непродолжительной болѣзни скончался отъ чахотки въ Царскосельскомъ придворномъ госпиталѣ артистъ Императорскихъ театровъ Александръ Семеновичъ Панчинъ I.

Захворалъ А. С. передъ окончаніемъ зимняго сезона. Въ весеннемъ сезонѣ въ его пользу были поставлены товарищами два спектакля въ Александринскомъ театрѣ и въ Благородномъ Собраніи. На собранныя средства А. С. былъ отправленъ въ Ялту. Только на-дняхъ перевезли его изъ Ялты въ Царское Село.

А. С. въ 1878 г. окончилъ Императорское драматическое училище экстерномъ. За годъ до окончанія, въ 1877 г., дебютировалъ въ бенефисъ Монахова въ „Выгодномъ предпріятіи“. Послѣ дебюта былъ зачисленъ въ труппу Александринскаго театра. До 1881 г. А. С. игралъ въ опереткѣ и въ водевиляхъ съ пѣніемъ, исполняя первыя роли и въ то же время состоялъ въ драмѣ дублеромъ въ репертуарѣ Сазонова. Съ 81 г. А. С. играетъ исключительно въ драмѣ. А. С. переигралъ много ролей: весь репертуаръ Островскаго (Подхалюзинъ, Андрей Титычъ, Мурзавецкій, Кудряша, Тихона, Бородкина и др.), Хлестакова (около 30 разъ), Молчалина, и др.

А. С. приходилось играть съ такими великими артистами, какъ И. В. Самаринъ, С. В. Шумскій, В. И. Самойловъ, П. В. Васильевъ и др. Лѣтніе сезоны А. С. игралъ въ труппѣ Сѣрова въ саду („Аркадія“), участвовалъ въ разныхъ поѣздкахъ. Въ 1903 г. былъ данъ А. С. юбилейный бенефисъ по случаю 25-лѣтія службы въ Александринскомъ театрѣ.

Панчинъ былъ даровитый актеръ, но немножко однообразный. Почему однообразный, если даровитый? По моему, потому, что его «однообразили» и репертуаръ, и всего болѣе рутинное режиссерство. Я его помню веселымъ, очень веселымъ простакомъ еще въ водевиляхъ блаженной памяти, вродѣ «Не бывать-бы счастью», въ опереткахъ и пр. У него былъ голосокъ, была бойкость, чувствовался несомнѣнный юморъ. Очень хорошъ онъ былъ въ роляхъ Островскаго, изображая молодыхъ «купчиковъ-голубчиковъ». Режиссеры это подмѣтили, и такъ какъ думать имъ о способностяхъ, о дарованіяхъ, о пищѣ, которой требуетъ душа, недосугъ, такъ какъ труппа казеннаго театра велика и обильна, порядка въ ней нѣтъ, роли вырываютъ, такъ сказать, съ мясомъ, нахальствомъ же и способностью вымогательства покойный Александръ Семеновичъ не отличался, а былъ парень добрый и покладистый, любившій кутнуть и т. д.—то въ результатѣ всего этого вышло, что А. С., кромѣ купчиковъ-голубчиковъ, и преимущественно полупьяныхъ, никого не изображалъ. Постепенно это изображеніе превратилось въ трафаретъ. Скучно стало самому играть. Скучно стало смотрѣть. Начальство говорило: «конечно, Панчинъ—способный актеръ, но знаете, очень однообразный». Панчинъ могъ бы, съ полнымъ правомъ отвѣтить: «а знаете, господа начальство, вы также люди ничего себѣ, но до чего однообразны! Какой у васъ жалкій, рутинный ремесленный взглядъ! Какъ вы мало думаете о томъ, что актеру нужна ширь, просторъ, что надо кормить его душу, его дарованіе всѣмъ что необходимо для физіологическаго роста! Господа начальство! Панове начальство! Есть такая малороссійская пѣсенка: «И сегодня кулішъ, и завтра кулішъ». Отъ такого пищевого довольства не только однообразенъ станешь, будешь радъ, что цынга не завелась, какъ въ острогѣ.

† А. С. Панчинъ
въ дебютной роли Ореста („Выгодное предпріятіе“ А. А. Потѣхина).

Но Панчинъ этого не говорилъ. Онъ былъ человѣкъ скромный и покладистый, вообще, рубаха парень. И начальство, въ предѣлахъ того стойла, которое оно ему отвело, за это къ нему благоволило.

— Панчинъ! говорило оно,—ну съ нимъ можно. Вотъ Сазоновъ—тотъ другое дѣло. Съ этимъ нельзя Ой, ой, какъ нужно съ Сазоновымъ церемониться.

НАРОДНЫЙ ДОМЪ.

„Пиковая дама".
И. В. Филиппова (пастушка).
(Шаржъ). Рис. А. Любимова.

Ну, а Панчинъ—ничего. До самой смерти его можно держать на «раціонѣ» купчиковъ-голубчиковъ...

И случилось то, что должно было случиться: Панчинъ игралъ купчиковъ-голубчиковъ, съ теченіемъ времени, все суше и ремесленнѣе. Пробовалъ онъ какъ-то выступить въ «Джентльменѣ», — сейчасъ не помню, въ какомъ театрѣ. Было «ничего себѣ», но и только. Мелкій трафаретъ ролей, привычка плавать въ неглубокой психологіи купчиковъ-голубчиковъ сказалась. Охвата не было. Крылья, отъ долгаго неупотребленія, атрофировались. По правдѣ сказать, къ этому времени онъ уже разучился летать.

Если такой колоссальный талантъ, какъ Варламовъ, скудостью и однообразіемъ репертуара, и жалкою слѣпотою режиссерскаго начальства, не видѣвшаго, что предъ нимъ геніальное дарованіе, для котораго нѣтъ запретныхъ ролей или недоступныхъ областей духа, изжарился въ соку «крыловщины», съ прибавленіемъ смѣшныхъ словъ,—то что же должно было произойти съ пріятнымъ, но совсѣмъ не чрезвычайнымъ дарованіемъ А. С. Панчина? Вышелъ аппаратъ для изображенія купчиковъ-голубчиковъ — только и всего...

Иногда мнѣ кажется, что я ненавижу театръ. Ненавижу за то, что всѣмъ строемъ своимъ, своимъ шарлатанскимъ отношеніемъ къ искусству, онъ есть не храмъ, а лобное мѣсто для даровитыхъ людей. Ибо дарованіе—какого бы характера, порядка и свойства ни было — есть даръ небесъ, подарокъ улыбнувшейся и озарившей міръ радостью, природы. Ибо все можно сдѣлать, даже автомата-скрипача, но нельзя сдѣлать дарованіе, самое маленькое дарованіе, какъ невозможно учинить контрафакцію слова Божія. А что же дѣлаютъ у насъ съ дарованіемъ въ театрѣ? Кто хранитъ дарованіе? Кто слѣдитъ за нимъ? Кто сознаетъ, какая отвѣтственность лежитъ на убійцахъ дарованій, на тюремщикахъ талантовъ? И кто можетъ вознаградить за гибель и утрату таланта?

Тогда я начинаю чувствовать холодную ненависть къ театру. Мнѣ начинаетъ казаться, что сцена это эшафотъ, на который приводятъ сотни даровитыхъ людей; девять казнятъ а десятаго пропаютъ... «Палачи!», какъ кричатъ нынче въ Думѣ...

Homo novus.

Дѣло гг. Висковскаго и Строева *).

В. К. Висковскій прислалъ намъ копію „мотивированной записки", на основаніи которой онъ предлагаетъ М. Т. Строеву судъ чести. Въ виду пространности записки, мы находимъ возможнымъ привести ее лишь въ существенныхъ чертахъ.

Въ концѣ сезона г. Висковскій обратился къ г. Строеву съ вопросомъ, остается ли онъ у него на службѣ и на будущій сезонъ. Далѣе цитируемъ по запискѣ: „въ виду того, что между мной и г-жей Виндингъ, моей женой, произошелъ разладъ, и я узналъ, что г. Строевъ не находитъ удобнымъ для себя пригласить насъ обоихъ и пригласилъ уже ее 9 февраля 1906 г., по ея словамъ, на 200 руб., и такъ какъ между нами за симъ послѣдовало примиреніе, то я и счелъ своимъ долгомъ возобновить этотъ вопросъ, въ виду измѣнившихся обстоятельствъ. Г. Строевъ отвѣтилъ мнѣ: „сначала я переведу васъ въ свою вѣру". Отвѣтъ г. Строевъ обѣщалъ дать въ Одессу.

Письмомъ отъ 18 апрѣля г. Строевъ предложилъ г-жѣ Виндингъ 150 руб.. а г. Висковскому 125 руб., т. е. прибавилъ только г-жѣ Виндингъ 25 руб. На вопросъ по сему случаю отъ г. Строева полученъ слѣд. отвѣтъ: „Я не считаю, какъ вы, 150 и 125; я считаю, что плачу двоимъ 275. Можетъ быть, при другихъ условіяхъ, мнѣ нужно было только одно лицо, а не двое".

Г. Висковскій и г-жа Виндингъ согласились на предложенныя условія и 17 мая уже получили контракты. Далѣе цитируемъ по запискѣ: „24 мая г-жа Виндингъ, не желая болѣе оставаться въ Одессѣ изъ-за личной со мной распри, уѣхала въ Москву, угрожая мнѣ, что контрактъ со мной г. Строевъ нарушитъ, такъ какъ онъ заключилъ только по ея желанію..

27 мая я отослалъ свой контрактъ въ Бюро, а 29 г. Строевъ отправилъ изъ Пушкино телеграмму на мое имя: „Не получая въ теченіе 16 дней за вашей подписью договора для службы на сезонъ 1906—7 въ Пермь и Екатеринбургъ, считаю соглашеніе несостоявшимся, приглашенъ другой актеръ".

Г. Висковскій требуетъ отъ г. Строева объясненія и предлагаетъ г. Строеву судъ чести. Послѣ чего г. Висковскій въ запискѣ заявляетъ, что неустойку, которую предлагаетъ г. Строевъ не ищетъ.

Далѣе, какъ видно изъ записки, между г. Строевымъ и г. Висковскимъ происходятъ разногласія о назначеніи срока для суда чести. Г. Висковскій ставитъ непремѣннымъ условіемъ назначеніе суда чести на Великій постъ. Г. Строевъ — не позднѣе 25 іюня.

Мотивы г. Строева—для суда имъ все предусмотрѣно, письма, документы приведены въ порядокъ, рядъ свидѣтелей увѣдомленъ. „Сохранять письма, помнить всѣ факты, рисующіе г. Висковскаго, обременять гг. свидѣтелей я считаю невозможнымъ и неинтереснымъ". Мотивы г. Висковскаго—неимѣніе въ настоящее время средствъ для пріѣзда въ Москву, отсутствіе

*) Дѣло гг. Висковскаго и Строева заключаетъ въ себѣ нѣкоторую семейную исторію, и разумѣется, не наше дѣло въ нее вмѣшиваться. Но такъ какъ почти одновременно нами получены письмо г-жи Висковской и „Записка" г. Висковскаго и слѣдовательно, обѣ стороны стремятся къ гласности, то мы не сочли себя въ правѣ отказать въ помѣщеніи присланныхъ документовъ. Разумѣется, до рѣшенія суда чести, мы считаемъ неудобнымъ останавливаться на этомъ дѣлѣ, и надѣемся, стороны не пожелаютъ сдѣлать журналъ „Театръ и Искусство", до рѣшенія суда, ареной дальнѣйшаго спора.

Прим. ред.

Катюша Маслова.
(Карикатура на французскую исполнительницу Бади).

свидѣтелей, находящихся сейчасъ въ разныхъ концахъ Россіи, желаніе придать дѣлу возможно большую огласку, что достижимо только постомъ, когда съѣзжаются въ Москву сценическіе дѣятели.

На разрѣшеніи суда чести г. Висковскій ставитъ слѣд. вопросы: 1. Имѣлъ ли нравственное право г. Строевъ, основываясь на неприсылкѣ мною контракта съ подписью въ теченіе 16 дней, считать соглашеніе несостоявшимся? 2) Если г. Строевъ впослѣдствіи отказался отъ этого, то какіе мотивы и чье вліяніе побудили его прибѣгнуть къ подобному способу разрыва контракта и можно ли ихъ считать дозволенными нравственнымъ кодексомъ, и вправѣ ли я считать подобныя дѣйствія глумленіемъ надъ личностью сценическаго дѣятеля? 3) Признаетъ ли г. Строевъ за собой долгъ за исполненіе приватныхъ занятій, на основаніи изустнаго соглашенія и въ какомъ размѣрѣ? (г. Висковскій велъ очетность по кассѣ, въ Перми, расходовъ по театру, замѣняя г. Строева во время параллельныхъ спектаклей въ Екатеринбургѣ). 4) Имѣлъ ли г. Строевъ нравственное право до рѣшенія третейскаго суда порочить мое имя даже въ офиціальной бумагѣ на имя г. Управляющаго бюро.

Свидѣтелями по этому дѣлу г. Висковскій предлагаетъ вызвать слѣдующихъ: О. Д. Виндингъ (по мужу Висковская), Е. Я. Машковичъ, З. М. Славянову, Е. И. Журавлеву, Зиновьеву, Ф. Ф. Леницкаго, А. С. Богомилова, И. И. Поплавскаго, И. М. Вильгельмина, А. Л. Машковича, М. Н. Мартынова, В. А. Торопову, В. А. Краснопольскаго. Кромѣ того, г. Висковскій намѣренъ ходатайствовать передъ судомъ о вызовѣ экспертовъ, для освѣщенія бытовой стороны этого дѣла, въ лицѣ: И. О. Пальмина, Д. В. Гарина Виндингъ и редактора „Театра и Искусства“ А. Р. Кугеля, также кого-либо изъ господъ провинціальныхъ дѣятелей и предпринимателей. Въ качествѣ судьи со своей стороны г. Висковскій приглашаетъ А. Д. Орлова-Лавровскаго. Записка заканчивается словами: „Засѣданія суда должны быть гласными, въ присутствіи представителей печати и рѣшеніе суда должно быть опубликовано въ журналѣ „Театръ и Искусство“, а также и въ другихъ повременныхъ изданіяхъ, кромѣ того, вывѣшено въ зданіи Новаго Театра для ознакомленія съ нимъ сценическихъ дѣятелей.

Записка эта является съ моей стороны вызовомъ г. Строева на судъ чести, а потому жду отъ него отвѣта черезъ Бюро и редакцію „Театра и Искусства“. Записка разослана: 1) Театральному Бюро И. Р. Т. О. 2) Редакціи газеты-журнала „Театръ и Искусство“. 3) Моему третейскому судьѣ А. Д. Орлову-Лавровскому“.

М. г! По поводу письма г. Висковскаго по адресу М. Т. Строева, въ уважаемомъ вашемъ журналѣ, я считаю своимъ нравственнымъ долгомъ заявить слѣдующее: въ 1904 году я и г. Висковскій обращались нѣсколько разъ къ г. Строеву съ просьбой принять насъ на службу на сезонъ 1904—5 г. Несмотря на то, что труппа была вполнѣ сформирована, г. Строевъ пошелъ намъ навстрѣчу и зачислилъ насъ.

Въ теченіе этого сезона личныя недоразумѣнія между г. Висковскимъ и мною настолько обострились, что работать при такихъ условіяхъ было невыносимо, такъ какъ недоразумѣнія переносились и на сцену, отражаясь на общемъ тонѣ репетицій и спектаклей и очень нервировали какъ труппу такъ и режиссера.

Когда кончился этотъ сезонъ, мы возбудили вопросъ относительно службы въ 1905—6 г., давъ г. Строеву обѣщаніе въ томъ, что недоразумѣнія больше не возобновятся. Г. Строевъ оставилъ насъ опять на службѣ: мало того, онъ пошелъ мнѣ и г. Висковскому навстрѣчу и матеріально, давъ намъ почти мѣсячную прибавку. Въ сезонъ 1905—6 г. наша личная жизнь устроилась не лучше сезона 1904—5 г. и прямо таки тормозила правильный ходъ службы: то срывались репетиціи, то я нервно захворывала и происходила перетасовка ролей и, наконецъ, на масляной все завершилось крупнымъ инцидентомъ. Послѣ этого г. Строевъ заявилъ, что г. Висковскаго больше ни за что у себя на службѣ не оставитъ. Прошелъ почти мѣсяцъ, впечатлѣнія улеглись и, послѣ моихъ очень настойчивыхъ просьбъ взять на службу г. Висковскаго, г. Строевъ согласился, но поставилъ основнымъ моральнымъ пунктомъ нарушенія съ нами договора—возникновеніе нашихъ съ г. Висковскимъ недоразумѣній, такъ какъ личный печальный опытъ показалъ ему, что такъ дѣло идти не можетъ.

Мы согласились и предоставили г. Строеву право нарушить съ нами договоръ при малѣйшихъ нашихъ недоразумѣніяхъ съ г. Висковскимъ. На этомъ мы разстались; г. Строевъ остался въ Москвѣ; мы уѣхали въ Одессу. Оставляя пока въ сторонѣ мою семейную жизнь въ Одессѣ, я, пріѣхавъ 25 мая въ-Москву, попросила вызвать г. Строева въ Бюро, гдѣ въ присутствіи г. Управляющаго Бюро и другихъ лицъ, заявила ему, что съ г. Висковскимъ разошлась, и наша совмѣстная служба гдѣ-либо немыслима. Такимъ образомъ, наше честное слово было нарушено нами же. Г. Строевъ на основаніи моего заявленія и прежнихъ переговоровъ и, вообще, всей службы счелъ съ г. Висковскимъ контрактъ нарушеннымъ.

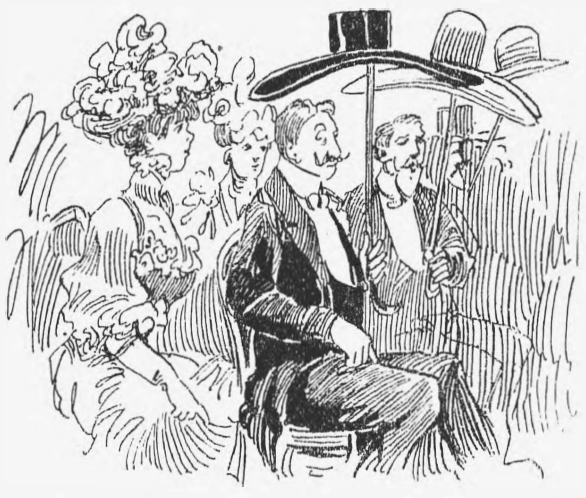
По своей корректности, г. Строевъ не счелъ возможнымъ коснуться нашей личной жизни и выставить на столбцахъ вашего уважаемаго журнала истинныя причины нарушенія контракта съ г. Висковскимъ, предполагая сдѣлать это на третейскомъ судѣ. Но третейскій судъ г. Висковскій умышленно оттягиваетъ и я, считая себя послѣ усиленныхъ просьбъ принять г. Висковскаго на службу виноватой въ причиненіи столькихъ хлопотъ г. Строеву, сочла своимъ нравственнымъ долгомъ сказать открыто всю правду.

Артистка *Ольга Виндингъ* (по мужу *Висковская*).

Изъ жизни и переписки Чехова.

I.

На-дняхъ—двухлѣтіе со дня смерти А. П. Чехова. Очень кстати вышли двѣ книжки: «Памяти А. П. Чехова» и «На памятникъ Чехову» Въ одной изъ нихъ собраны воспоминанія о Чеховѣ нѣкоторыхъ литераторовъ—Бунина, Куприна, Горькаго, Ѳедорова, въ другой—разныя стихотворенія, посвященныя его памяти, и письма нѣкоторымъ лицамъ. Писемъ, къ сожалѣнію, очень не-



Мужчины ведутъ борьбу съ дамскими шляпами въ лѣтнихъ театрахъ.

много, хотя Чеховъ велъ обширную переписку. Почти нѣтъ писемъ послѣдняго, самаго интереснаго, періода его жизни, когда Чеховъ сосредоточился, такъ сказать, на пьесахъ. Тѣмъ не менѣе, кое-какой матеріалъ по театральной, такъ сказать, части выпедшія книжки представлютъ и мы считаемъ благовременнымъ сгруппировать, что можно, не расчитывая, впрочемъ, въ виду скудости матеріала, привести извлеченія, сдѣланныя нами, къ яркому, опредѣленному выводу!

Едва-ли не наиболѣе интересный матеріалъ въ этомъ смыслѣ заключается въ воспоминаніяхъ А. М. Оедорова, посѣтившаго Чехова послѣ «неудачи» «Стараго дома» г. Оедорова на сценѣ Александринскаго театра.

«Онъ усадилъ меня—разсказываетъ А. М. Оедоровъ,—на диванъ въ своемъ маленькомъ кабинетѣ и, задумчиво пройдясь раза два изъ угла въ уголъ, остановился передо мной и съ своей доброй, ласковой улыбкой спросилъ, глядя мнѣ въ лицо:

— Вѣрно, вамъ еще очень тяжело?

И, зная, какой будетъ отвѣтъ на эти слова, продолжалъ, садясь рядомъ со мною:

— Это же ужасная вещь... Ставить пьесу. Никогда нельзя знать, что тебя ждетъ.

— У-у-жасная вещь!—протянулъ онъ съ чувствомъ жуткости передъ стихійностью такого факта.—Я это хорошо по себѣ знаю. Мнѣ шикали такъ, какъ ни одному автору не шикали.—И за «Лѣшаго» и за «Чайку». Я клялся и себѣ и другимъ, что не буду больше пьесы писать. А потомъ убѣдился, что все это не такъ важно. Надо только дѣлать то, что хочется, къ чему тянетъ. Время потомъ разберетъ лучше всякаго критика, что хорошо и что дурно.

Я только тяжело вздохнулъ на эти слова. Еще слишкомъ остра и жгуча была въ душѣ моей боль отъ этой неудачи, и Антонъ Павловичъ, понявъ это, продолжалъ своимъ слабымъ, мягкимъ и ласковымъ голосомъ, который звучалъ почти торжественно, когда понижался, и вѣрилось каждому звуку этого голоса и не только вѣрилось, но и становилось легче на душѣ.

— Это ничего. Это даже хорошо иногда, въ молодости. А вѣдь вы молоды! Это отрезвляетъ и заставляетъ глубже и строже глядѣть на себя. Вѣрьте, незаслуженная обида часто возвышаетъ и обязываетъ больше, чѣмъ похвала и успѣхъ, которые легко достаются.

Затѣмъ А. П. Чеховъ замѣтилъ, что съ постановкой не надо торопиться. «Надо дать вещи «полежать». «Работать надо! много работать!» «И потомъ вотъ еще что! Зачѣмъ вы печатаете пьесы раньше постановки? Не надо! Во время постановки многое видишь... Даже на первыхъ репетиціяхъ... Какъ заговорятъ актеры, такъ сразу чувствуешь: вотъ здѣсь—фальшь, а здѣсь—не своимъ языкомъ говоритъ какой-нибудь Иванъ Ивановичъ и даже не свое говоритъ».

«Я еще раньше все порывался нѣсколько разъ уйти,—продолжаетъ г. Оедоровъ,—боясь, что оторвалъ его отъ гостей, но Антонъ Павловичъ даже разсердился на меня.

— Да сидите же, не пущу я васъ... Мнѣ все это ужасно интересно. Я точно себя вижу послѣ «Чайки».

Онъ разсмѣялся низкимъ, трогательнымъ смѣхомъ и спросилъ съ веселымъ добродушіемъ:

— Послѣ театра, ночью шатались по Петербургу?

— Шатался... Гдѣ-то около каналовъ... Глушь!.. Фабричныя трубы торчатъ... Тѣни какія-то мрачныя снуютъ...

— Такъ, такъ! И я тоже послѣ «Чайки» шатался всю ночь, Богъ знаетъ гдѣ. Мнѣ казалось, что всѣ меня презираютъ и стыдно было на глаза людямъ показаться. — Отвратительное состояніе! — вдругъ прерывая смѣхъ, съ серьезнымъ лицомъ добавилъ Антонъ Павловичъ.—И вѣдь непріятнѣе всего то, что себя тутъ больше винишь и понять ничего не можешь. Даже передъ актерами какъ-то совѣстно, особенно передъ тѣми, которые играли хорошо, старались. Вотъ, напримѣръ, Коммисаржевская! Вѣдь она же очень хорошая актриса и хорошо въ «Чайкѣ» играла, а ей тоже за меня пришлось отдуваться въ первый спектакль.

— За то потомъ «Чайка» имѣла успѣхъ на Александринской сценѣ.

— Ну, какой ужъ успѣхъ! Настоящій успѣхъ съ Художественнаго театра начался... Такъ разсказывайте, разсказывайте, какъ они играли? Какъ Савина? Самойловъ? Аполлонскій?»

Не лишнѣе будетъ здѣсь замѣтить, что пьеса г. Оедорова «Старый домъ», о которой здѣсь говорится, написана въ сильнѣйшее подражаніе Чехову—«Чайкѣ» и др. пьесамъ. Тутъ и личное было въ Чеховѣ задѣто. Вообще, сколько извѣстно, Чеховъ до конца дней не могъ простить неуспѣха «Чайки», въ которомъ, конечно, очень много была виновата небрежная, аляповатая, грубоватая интерпретація пьесы на сценѣ, но главный корень котораго въ томъ, что даже съ точки зрѣнія чеховской драматургіи «Чайка»—только проба пера изъ гусинаго крыла, драматически блѣдная и неустойчивая. Художественный театръ сдѣлалъ изъ «Чайки» левитановскій пейзажъ, и успѣхъ имѣлъ, собственно, опытъ водворенія на сценѣ пейзажа. Это было ново и «въ первый разъ». «Новыя формы» въ «Чайкѣ» чуть намѣчены, а «старыхъ» нѣтъ... И имѣлъ-ли Чеховъ опредѣленный взглядъ на «новое искусство»? Въ воспоминаніяхъ г. Бунина есть такая фраза:

— Нѣтъ, все это новое московское искусство—вздоръ,—говорилъ онъ.—Помню, въ Таганрогѣ я видѣлъ вывѣску: «Заведеніе искусственныхъ фруктовыхъ водъ». Вотъ и это тоже—заведеніе искусственныхъ фруктовыхъ водъ!

Приводимъ не лишенную интереса біографическую справку, касающуюся пьесы «Три сестры». Въ 1884 году А. П. окончилъ курсъ университета и переѣхалъ на лѣто къ намъ въ Воскресенскъ.

Тогда это былъ маленькій городишко, скорѣе похожій на небольшое село, съ одною только церковью. Управлялся онъ полицейскимъ надзирателемъ, котораго звали «городничимъ», и вообще жить въ немъ было дешево и пріятно, такъ какъ окрестности его прекрасны. Къ тому же общество было интересное и дружное. Между прочимъ, въ Воскресенскѣ проживалъ тогда П. Д. Голохвастовъ, извѣстный своими работами по предполагавшемуся въ началѣ 80-хъ годовъ созыву Земскаго собора. Жена его Ольга Андреевна была литераторшей, писала комедіи и драмы. Въ городѣ стояла батарея, которой командовалъ симпатичнѣйшій полковникъ Б. И. Маевскій. Было нѣсколько офицеровъ и батарейныхъ дамъ. Пріѣхавъ въ Воскресенскъ, А. П. засталъ у семьи Чеховыхъ уже порядочный кругъ знакомыхъ. Каждый вечеръ всѣ вмѣстѣ играли въ крокетъ и совершали далекія прогулки. Центромъ была семья Маевскихъ. У нихъ были дѣти: Аня, Соня и Алеша, которыхъ очень полюбилъ А. П., часто возился съ ними, говорилъ глупости и описалъ ихъ «Дѣтворѣ». Батарея эта дала А. П-чу его свѣдѣнія по военной части («Поцѣлуй», «Три сестры»). Я слышалъ отъ брата Ивана Павловича, что почти передъ самой постановкой «Трехъ сес-

теръ» А. П. очень хотѣлъ повидаться (а можетъ быть, и повидался) съ бывшимъ тогда въ отставкѣ полковникомъ Маевскимъ, чтобы поговорить съ нимъ о военной части въ «Трехъ сестрахъ».

О театральныхъ впечатлѣніяхъ Чехова послѣдняго періода находимъ еще слѣдующихъ нѣсколько строкъ въ письмѣ къ О. Д. Батюшкову:

«Если вы пріѣдете на масляницѣ, то это хорошо. Только, какъ думаю, не раньше масляницы наши актеры придутъ въ себя и будутъ играть «Вишневый садъ» не такъ растерянно и не ярко какъ теперь».

Такъ называемая безсвязность чеховскаго діалога послѣдняго періода, «параллелизмъ» діалога находятъ себѣ объясненіе въ свойствахъ его ума и складѣ его духа. Воспоминанія даютъ въ этомъ отношеніи довольно цѣнныя указанія. Чеховъ самъ разговаривалъ отчасти, какъ герои «Трехъ сестеръ». Въ воспоминаніяхъ г. Бунина читаемъ:

— Не знаю,—отвѣтилъ онъ, глядя куда-то вдаль сквозь стекла пенсне и, очевидно, думая о чемъ-то своемъ.—По-моему, хорошо быть офицеромъ, молодымъ студентомъ... Сидѣть гдѣ-нибудь въ людномъ мѣстѣ, слушать веселую музыку...

И *по своей манерѣ*, помолчалъ и безъ видимой связи прибавилъ:

— Очень трудно описывать море. Знаете, какое описаніе моря я читалъ недавно въ одной ученической тетрадкѣ? «Море было большое». И только. По-моему, очень хорошо!

В. А. Тихоновъ разсказываетъ:

«...Во время этой бесѣды, я подмѣтилъ въ Чеховѣ одну характерную черту, это то, что онъ *всегда* (курс. подл.) думалъ, всегда, всякую минуту, всякую секунду. Слушая веселый разсказъ, самъ разсказывая что-нибудь, сидя въ пріятельской пирушкѣ, говоря съ женщиной, играя съ собакой,—Чеховъ всегда думалъ. Благодаря этому, онъ иногда самъ обрывался на полусловѣ, задавалъ вамъ, кажется, совсѣмъ неподходящій вопросъ и казался иногда даже разсѣяннымъ. Благодаря этому, онъ среди разговора присаживался къ столу и что-то писалъ на своихъ листкахъ почтовой бумаги; благодаря этому, стоя лицомъ къ лицу съ вами, онъ вдругъ начиналъ смотрѣть куда-то вглубь самого себя».

А. И. Купринъ высказываетъ однородныя замѣчанія по поводу постоянной работы мысли Чехова.

«Онъ умѣлъ слушать и разговаривать, какъ никто, но часто, среди живого разговора, можно было замѣтить, какъ его внимательный и доброжелательный взглядъ вдругъ дѣлался неподвижнымъ и глубокимъ, точно уходилъ куда-то внутрь, созерцая нѣчто таинственное и важное, совершавшееся въ его душѣ. Тогда-то А. П. и дѣлалъ свои странные, поражавшіе неожиданностью, совсѣмъ не идущіе къ разговору вопросы, которые *смущали* многихъ. Только что говорили и еще продолжаютъ говорить о неомарксистахъ, а онъ вдругъ спрашиваетъ: «послушайте, вы никогда не были на конскомъ заводѣ? Непремѣнно поѣзжайте. Это интересно». Или вторично предлагаетъ вопросъ, на который только-что получилъ отвѣтъ».

Тоже «смущеніе» овладѣвало многими слушателями пьесъ Чехова, когда герои не отвѣчали на вопросы, и говорили сами за себя, отвѣчая на свой внутренній вопросъ. Что это «работа мысли»—не споримъ. Но что эта «работа мысли», совершающаяся вполнѣ самостоятельно, безъ связи съ «общею бесѣдою», съ «общими усиліями человѣчества», какъ говорится, указываетъ на отсутствіе дѣятельной, активной, *живой связи* съ собесѣдниками—это ясно. Чеховъ былъ ласковъ, добръ, обходителенъ, но, чуждъ тѣмъ, съ которыми онъ разговаривалъ, чуждъ «неомарксизму», если могъ думать во время разговора о неомарксизмѣ о «конскомъ заводѣ». Также и въ пьесахъ его: герои разговариваютъ каждый

На урокѣ танцевъ въ балетной школѣ.

за себя, потому что дѣятельнаго чувства любви, сливающаго одного человѣка съ другимъ, у нихъ нѣтъ. У Метерлинка это называется «діалогъ съ судьбой». Съ чьей судьбой? Общей? Въ томъ то и дѣло, что нѣтъ. У каждаго человѣка своя судьба, и только съ нею онъ и разговариваетъ...

Гораздо полнѣе представленъ въ письмахъ и воспоминаніяхъ первый періодъ дѣятельности Чехова, какъ драматурга. Объ этомъ—въ слѣдующемъ номерѣ. **Н. Н.**

Провинціальная лѣтопись.

КАЗАНЬ. Май мѣсяцъ въ нашемъ городѣ вотъ ужъ нѣсколько лѣтъ является мѣсяцемъ гастролей,—это вполнѣ понятно: правильно установившееся движеніе пароходовъ; закрытіе многихъ зимнихъ театровъ и еще не опустѣвшія учебныя заведенія и не завершившійся выѣздъ на дачи и въ имѣнія—все это условія благопріятствующія гастролямъ. И въ текущемъ году, въ маѣ гастролировали у насъ М. Г. Савина съ труппой Московскаго театра Корша, подъ режиссерствомъ Н. Н. Синельникова, съ 5 по 11 мая. и К. Л. Варламовъ, съ участіемъ артистокъ Есиповичъ, Кривской, Мансвѣтовой, Сѣраковской, и Эльмино и артистовъ—Лукашевича, Молчанова, Шаповаленкой, Шилова и др.

Г-жа Савина поставила слѣд. пьесы: „Отчій домъ“ Зудермана, „Фимка“ Трахтенберга, „Татьяна Рѣпина“ Суворина, „Идеальная жена“ Марка Прага и „Паціентка“ Ѳедорова, „Послѣдняя жертва“ Островскаго и „Ивановъ“ Чеховъ.

М. Г. Савина не производитъ теперь того впечатлѣнія, какое оставляла она по себѣ, служа когда-то въ Казани, въ труппахъ незабвеннаго П. М. Медвѣдева и во время предыдущихъ гастролей. Изъ артистовъ ея труппы нельзя не отмѣтить стараго знакомца Казани г. Лепковскаго, Борисова, Радина и г-жу Блюменталь-Тамарину.

На долю второго гастролера К. А. Варламова выпалъ въ Казани большой художественный и матеріальный успѣхъ; спектакль отъ спектакля этотъ успѣхъ все росъ. Радушно принимала публика и артиста Шаповаленко и молодую, способную артистку г-жу Есиповичъ.

Поставилъ г. Варламовъ слѣд. пьесы: „Правда хорошо,—а счастье лучше“ А. Н. Островскаго „Мертвыя души“ („Сцена у генерала Бетрищева“) и „Омутъ“ Владыкина, „Не все коту масленица“ А. Н. Островскаго и „Степикъ и Манюрочка“ Евреинова, „Не въ свои сани не садись“ Островскаго, „Черезъ край“ Тихонова и „Прежде скончались,— потомъ повѣнчались“ Максимова—какъ видите—пьесы все старыя, но со сцены, при ихъ исполненіи, вѣяло чѣмъ-то милымъ, дорогимъ, сердечнымъ.

Кстати: Въ „Театрѣ и Искусствѣ“ (№ 23) перепечатано изъ „Х. Ж.“ слѣд.: „въ Казани... губернаторъ Осокинъ, придя на сцену (во время гастролей Савиной) кричалъ... „къ чорту Думу! Къ чорту амнистію! Перевѣшать всѣхъ надо!..“ Въ этомъ

сообщеніи все невѣрно, начиная съ того, что въ Казани нѣтъ и не было губернатора Осокина!..

Перехожу къ дѣятельности нашихъ лѣтнихъ театровъ-садовъ „Панаево" и „Аркадія". Въ первомъ помѣщается оперетка, во второмъ — хорошая драматическая труппа. Репертуаръ оперетки разнообразный, но, къ сожалѣнію, преимуществуютъ произведенія сильно пошловатыя. У оперетки недурной оркестръ и обстановка, есть и даровитые артисты.

Театръ „Аркадія" до сихъ поръ велъ прекрасный репертуаръ: Гоголь, Островскій, Шиллеръ (поставлены были пьесы: „Заговоръ Фіеско" съ Нерадовскимъ въ заглавной роли и „Донъ Карлосъ", съ Рамазановымъ въ заглавной роли); ставятся и „злободневныя пьесы", напр. „Мятежникъ", „Трудъ и Капиталъ". Въ составѣ труппы есть хорошія силы столицъ и провинціи, напр. Арди-Свѣтлова, Манжосъ-Андросова, Горская, Петроковская, Н. О. Васильевъ (артистъ московскаго Малаго театра), Нерадовскій, Рамазановъ, Трубецкой. *Н. О. Юнковъ.*

P. S. Играетъ труппа драматическихъ артистовъ и любителей и въ театрикѣ „Русской Швейцаріи", но—кажется—безъ особаго успѣха.

КАЗАНЬ. Лѣтній сезонъ. Антреприза С. Н. Милонова. Театръ: Загородный, съ садомъ: „Русская Швейцарія" и дачный: „Курзалъ-Васильево". Спектакли четыре раза въ недѣлю. Составъ труппы: г-жи Девріенъ, Ивановская, Милонова, Мирская, Невская, Рубенсъ и Чужбинская; гг. Крынцевъ, Лавинъ, Милоновъ, Печоринъ, Разсказовъ, Рославлевъ, Сельскій, Стольскій и Трутневъ. Режиссеръ Б. А. Рославлевъ. Открытіе состоялось 23 апрѣля. Прошли по нѣсколько разъ: „Потемки души", „Первая муха", „Домашній столъ", „Непогребенные". Готовятся къ постановкѣ: „Графиня Романи" и „Поединокъ". Сборы до этого времени по 100 р. на кругъ.

ОДЕССА. Въ текущемъ лѣтнемъ сезонѣ, кромѣ театра трезвости, нѣтъ никакихъ развлеченій; поэтому городская публика стала усиленно посѣщать драму, подвизающуюся въ лѣтнемъ театрѣ трезвости. Въ составъ труппы вошли довольно солидныя силы: г. Муромцевъ, герой-любовникъ, Никольскій-Федоровъ (салонный резонеръ), Голодкова (энженю драматикъ), Смирновъ А. (режиссеръ и комикъ-резонеръ) и др. Репертуаръ трезвости тоже обновился; прошли уже: „Фимка" „Каменотесы" „Дмитрій Самозванецъ" (Суворина), „На пути въ Сіонъ", „Евреи", „Орлеанская дѣва", „Катюша Маслова", „Денщикъ Петра Великаго", „Власть тьмы", „На днѣ", Кинъ", „Нора", „Подъ колесомъ", „Дѣти солнца", „Наслѣдный принцъ", „Волшебная сказка", „Ганнеле", и др. Въ составъ труппы приглашена извѣстная провинціальная артистка, нынѣ артистка Александринскаго театра М. К. Шаровьева; артистка пользуется большимъ успѣхомъ среди нашей публики. Теперь намѣченъ рядъ бенефисовъ; въ бенефисъ П. Д. Муромцева идетъ новая пьеса „Къ солнцу, къ правдѣ, къ свободѣ" въ бенефисъ героини О. М. Русановой „Орлеанская дѣва", въ бенефисъ А. П. Смирнова „Камо грядеши", „Въ еврейскомъ кварталѣ" (бенефисъ М. К. Шаровьевой), „Джентльменъ", (бенефисъ В. П. Голодковой), „Герой народной свободы" (бенефисъ Д. М. Марченко), „Докторъ Штокманъ" (бенефисъ Н. Ф. Никольскаго-Федорова), „Исторія одной революціи (бенефисъ В. Г. Волынцева), „Слабые и сильные" (бен. Л. Н. Каренина), „Шлиссельбургская крѣпость", новая пьеса кн. Мышкина—Царственный узникъ (бен. И. И. Ждарскаго) и др. Спектакли идутъ гладко и съ ансамблемъ. За май мѣсяцъ трезвость взяла 6000 р., что при цѣнахъ отъ 1 р. до 10 к., цифра эта считается выше средней. Іюнь идетъ тоже очень бойко. Для городской публики трезвость установила движеніе трамвая, что очень облегчаетъ передвиженіе въ городъ послѣ спектакля. Сезонъ предположено продолжить до 15 сентября, что составитъ въ общемъ 125 спектаклей въ сезонѣ. Попечительство обзавелось собственнымъ гардеробомъ, затративъ на это свыше 5 тысячъ рублей. Новый театръ трезвости расчитанъ на 2500 человѣкъ. На открытой сценѣ въ саду для десятикопѣечной публики играетъ малорусская драма подъ режисс. г-на Ватушенко. *Т. К.*

БАКУ. Гостившая съ 3 апрѣля по 5 мая оперетка сдѣлала за 32 спектакля 16,000 руб. Репертуаръ состоялъ изъ лучшихъ старыхъ опер. и послѣдн. новинокъ. Примадонна труппы Е. Ф. Кестлеръ — имѣла успѣхъ. Пользовались успѣхомъ также Н. А. Тонская, какъ хорошая фарсовая артистка, г-жа Ратмирова (хорошій голосъ), Райчева комич. стар. Изъ мужчинъ выдѣлились—молодые арт. баритонъ Пронскій и простакъ Долинъ. Хоръ неважный. Оркестръ неудовлетворительный. *А. С.*

С. БАЛАКОВО (Самарской губ.). Съ нынѣшняго сезона у насъ появился лѣтній театръ въ саду Г. Овсянникова, который выстроилъ новое зданіе, съ такими разсчетами, чтобы въ немъ могъ быть и циркъ и театръ. Помѣщеніе очень хорошее и обширное; при невысокихъ даже цѣнахъ можно имѣть 300 р. сбору. Обновила этотъ циркъ-театръ драмат. труппа подъ управленіемъ Г. Тамарина, съ 1-го Іюня дающая здѣсь спектакли, при порядочномъ матеріальномъ успѣхѣ и приличномъ художественномъ. Труппа, правда, не блещетъ талантами, но въ ней есть актеры способные и нѣкорыя пьесы проходятъ съ ансамблемъ. Изъ женскаго персонала можно отмѣтить г-жу Кривскую (героиня), какъ актрису опытную, съ хорошими внѣшними данными, но, къ сожалѣнію, безъ огня. Такія роли какъ Кондорова („Нищіе духомъ"), или Наст. Филипп („Идіотъ") ей не по плечу, а, напр., въ „Евреяхъ" и „Дѣтяхъ Солнца" играетъ хорошо. Роли ingénue играетъ г-жа Элисъ, актриса еще очень молодая и не достаточно опытная, но несомнѣнно съ дарованіемъ, обѣщающая со временемъ сдѣлаться хорошей актрисой. Амплуа комическихъ и драмат. старухъ занимаетъ г-жа Карелли, которая въ роляхъ перваго рода безусловно всегда на мѣстѣ, для ролей-же драматическихъ, а особенно свѣтскихъ. у нея не хватаетъ маверъ. Еще въ женскомъ персоналѣ имѣются г-жи Елецкая и Панина. Первая обладаетъ хорошими внѣшними данными, но безъ всякаго внутренняго содержанія, а вторая просто слаба. Изъ мужского персонала на первомъ мѣстѣ стоитъ г. Абраменко, старый и опытный актеръ, играющій всѣ роли очень типично, а главное разнообразно. Самъ г. Тамаринъ актеръ опытный и не безъ способностей, но ужъ чересчуръ по купечески небрежно относится къ исполненію своихъ ролей, иногда даже не утруждаетъ себя гримировкой и большею частью появляется на сценѣ въ томъ-же костюмѣ, въ какомъ публика его лицезрѣетъ въ саду, или около кассы, не взирая на то даже, что костюмъ этотъ совсѣмъ не подходитъ къ роли (напр. Сиволушинъ въ „Нищихъ Духомъ"). Роли героевъ любовниковъ играетъ г. Кремленъ, къ недостаткамъ котораго нужно отнести неблагодарный органъ голоса, неуклюжую фигуру и однообразіе въ исполненіи ролей, но тѣмъ не менѣе нѣкоторыя роли онъ исполняетъ не дурно, гдѣ не требуется изящныхъ маверъ и мягкости. У публики онъ все-таки имѣетъ успѣхъ. Затѣмъ въ мужскомъ персоналѣ имѣются: гг. Павленко, Фохтъ, Елецкій и Дирихонъ, актеры только понезные и, пожалуй, лишь у юнаго Дирихова можно отмѣтить нѣкоторые задатки для будущаго.

Репертуаръ ведется крайне смѣшанный: на ряду съ такими интересными новинками, какъ „Евреи", „Дѣти солнца" ставится такая дребедень, „Фальшивомонетчикъ", „Каторжникъ". „Въ горахъ Кавказа". Между прочимъ ставили „Идіота", но онъ прошелъ такъ плохо, что лучше-бы было, если бы его совсѣмъ не ставили. *Театралъ.*

ВИННИЦА. Съ 30 апрѣля у насъ играетъ драматическая труппа П. О. Зарѣчнаго (антреприза). Составъ труппы слѣдующій: женскій персоналъ: П. И. Аркадьева, А. П. Барастова, О. О. Броницкая, (энженю) В. Ф. Валентинова (энженю), М. А. Волынская, (гран-дамъ), С. М. Михайлова, Е. Н. Мосолова, П. Б. Орлова, Л. В. Снѣжинская (старуха), Л. И. Чаева (героиня); мужской персоналъ: Н. А. Аркадьевъ, П. О. Зарѣчный (характер.). И. Л. Зиновьевъ, А. П. Коростылевъ (простакъ), Я. М. Любинъ (комикъ), М. Л. Массинъ (резонеръ), А. А. Наровскій (любовникъ), А. Н. Орликъ, Л. И. Прозоровскій (2-й резонеръ), И. Ф. Скуратовъ (комикъ), А. С. Сотниковъ (2-й любовн.) и др. на малыя роли. Режиссеръ Я. М. Любинъ, суфлеръ Е. И. Герцманъ, пом. режис. Н. А. Аркадьевъ, декораторъ А. П. Коростылевъ, парикмахеръ И. А. Наркевичъ Іодко, машинистъ И. М. Красѣевъ, кассирша Е. Н. Хохлова. Съ 30 Апр. по 20 Іюня сыграны слѣд. пьесы: „Иванонъ" А. П. Чехова—открытіе сезона. Потомъ были поставлены: „Столичный воздухъ" (2 раза), „Юная буря", „Евреи", „Фимка", „Казнь", „Цѣна жизни", „Рабство", „Непогребенные", „Чужіе", „Дѣти солнца" (2 раза) „Польскій еврей", „Друзья-пріятели", „Родина", „Весенній потокъ", „Малка Шварцскопфъ", „Цыганка Занда", „Флиртъ", „Сонъ тайн. сов." (бенеф. М. Л. Массина 300 р.), „Въ горахъ Кавказа", „На порогѣ великихъ событій", „Безправная", „Борцы", (бенеф. Я. М. Любина 400 р.) „Трое", „Въ новомъ гетто", „Злая яма", „Чучело". На анонсѣ стоятъ слѣд. пьесы: „Отжитое время", (бенеф. И. Ф. Скуратова) „Дочь вѣка", „Ревнивица", „Крикъ жизни", „Трильби", „Строители жизни", „Контролеръ спальныхъ вагоновъ", „Врагъ народа". „Пляска семи покрывалъ" (Саломея), „Веселые расплюевскіе дни", „Униженные и оскорбленные", „Двѣ страсти". Дѣла для нашего города очень порядочныя. Сборы идутъ ровно по 160—180 р. на кругъ. Пока прошли только 2 бенефиса г. Массина и г. Любина и очень удачно. Труппа г. Зарѣчнымъ сформирована толково. Пьесы обставляются прилично, декораціи новыя, мебель, костюмы—все новое. Пользуются успѣхомъ въ женскомъ персоналѣ г-жи Чаева, Валентинова, Волынская, Броницкая и Снѣжинская, а въ мужскомъ: г.г. Любинъ, Наровскій, Массинъ, Скуратовъ, Зарѣчный—на которыхъ держится весь репертуаръ. Пьеса „Евреи" была сыграна одинъ разъ при исключит. сборѣ и ансамблѣ. Жаль, что пьесу мѣстные власти не разрѣшаютъ больше къ постановкѣ, какъ и пьесу „Погромъ", „Очки".

НИКОПОЛЬ, Екатер. губ. 4-го іюня открыла здѣсь сезонъ драматическая труппа С. З. Крамского. Составъ труппы: г-жи Бѣлая, Самойлова, Дубровская, Степанова, Маковская; гг. Крамской, Берже, Ге, Яблоновскій, Молчановъ, Свободинъ, Субботинъ, Охотинъ, Березинъ. Режиссеръ Э. Э. Берже. Репертуаръ: „Непогребенные", „На днѣ", „Евреи", „У моря", „На пути въ Сіонъ", „Дѣти солнца", „Погромъ", „Поединокъ". Прошли „Непогребенные" и „На днѣ". Исполненіе первой было вполнѣ приличное. Вторая оказалась не по силамъ. Въ труппѣ есть способные актеры въ лицѣ гг. Берже, Крамского, Ге, Самойловой. *Л. Хавчинъ.*